

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Котович А.Н.

**ЧЕРТЫ И УСЛОВИЯ
РАЗВИТИЯ
РУССКОЙ
БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ
В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I**

Христианское чтение, 1906, II, № 11,
с. 644—668; № 12, с. 854—877

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Санкт-Петербургская православная духовная академия
<http://spbda.ru>

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Москва, Санкт-Петербург, 2014

Черты и условія развитія русской богословской мысли въ эпоху Николая I.

МИСТИЦИЗМЪ, господствовавшій въ царствованіе Александра I, по самому своему характеру не могъ и не стремился сообщать ясныхъ познаній о предметахъ вѣры. Онъ склоненъ былъ искренно проповѣдывать о единствѣ и единеніи всѣхъ христіанскихъ церквей и общинъ на почвѣ умаленія вѣроисповѣдныхъ различій. Но этимъ мотивомъ стали широко пользоваться люди иныхъ стремленій. Графъ де-Местръ, напримѣръ, писалъ Разумовскому: «На что вамъ наука? Наука творитъ людей сварливыхъ... презрительно относящихся ко всякому авторитету и народнымъ догматамъ... Къ чему толковать о вѣрѣ; правда, іезуитское общество крѣпко стоитъ за свою вѣру, но вѣдь по отношенію къ догматамъ она почти тождественна съ вашею» ¹⁾).

Вслѣдствіе такихъ рѣчей,—небезрезультатныхъ для всякаго рода прозелитизма, послѣ кризиса 1824 года, сами собой, какъ противодѣйствіе, и между православными усилились толки о своей вѣрѣ. Практика жизни стала требовать «точного изложенія православнаго вѣроученія», притомъ въ размѣрахъ болѣе широкихъ, чѣмъ самые пространные катехизисы. Религіозное сознаніе, перебродившее на мистицизмъ, обращаясь къ церкви, требовало уже отъ нея болѣе ясныхъ, глубокихъ и основательныхъ, чѣмъ прежде, отвѣтовъ на свои запросы.

Весьма интересныя психологическія подробности этой эво-

¹⁾ Ю. Самаринъ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, стр. 262.

люди можно пайти у А. Никитенко. «Не совладавъ, пишетъ онъ, съ Галичемъ (его Исторіей философскихъ системъ) и, такимъ образомъ, потерпѣвъ крушеніе на почвѣ чистаго разума, я бросился въ другую крайность, а именно сталъ искать свѣта въ мистицизмѣ. Послѣдній около этого времени—между 1818-мъ и 1820-мъ годами—проникъ и въ наше захоlustье ¹⁾, гдѣ даже пашель себѣ много приверженцевъ. Увлекались имъ и нѣкоторые изъ моихъ пріятелей. Они старались и меня «просвѣтить», для чего снабжали соответственными книгами.

Казалось бы, что, съ моимъ пылкимъ воображеніемъ, моей впечатлительностью и склонностью къ чудесному, книги эти должны были бы произвести на меня сильное впечатлѣніе. На дѣлѣ вышло иначе: вереница фантастическихъ призраковъ, вызванныхъ ими, такъ сказать, проскользнула мимо моего ума, нисколько не задѣвъ его своимъ фосфорическимъ блескомъ. Въ самую шаткую пору дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, я, правда, любилъ все мрачное, таинственное, но оно шекотало у меня только одно воображеніе. Умъ все время оставался холоднымъ и даже какъ бы критически относился къ тому, что всецѣло поглощало фантазію. Такъ было и теперь. Я съ жаромъ принялся за чтеніе мистическихъ книгъ. Отъ доски до доски прочелъ я «Ключъ къ таинствамъ природы» Эккартгаузена и ничего не отперъ имъ. Да врядъ ли и кто другой могъ отпереть, такъ какъ тайны природы слишкомъ крѣпко заперты, а ключъ, предлагавшійся для ихъ открытія, на самомъ дѣлѣ, былъ простымъ заржавленнымъ гвоздемъ, неспособнымъ ничего открыть. Далѣе прочелъ я всего «Угроза Свѣтостогова» Юнга Штилинга и его же «Приключенія души по смерти». Надъ наивно благочестивымъ кривляньемъ «Угроза» я даже дерзалъ подсмѣиваться, а надъ «Приключеніями души» просто соскучился... Закончилъ я свои мистическія изслѣдованія Сіонскимъ Вѣстникомъ, но не могъ одолѣть больше трехъ номеровъ его.

Какими ясными, убѣдительными представлялись мнѣ, послѣ всѣхъ этихъ блужданій въ потемкахъ, простыя, реальныя истины Евангельскаго ученія...

Зато внѣшніе религіозные обряды я исполнялъ вяло и не всегда охотно. Причина тому была, вѣроятно, въ примѣрѣ окружающихъ меня... Непосредственное чувство, однако, часто

¹⁾ Острогоскѣ. Воронежской губ.

влекло меня въ церковь, особенно когда пѣли пѣвчіе или богослуженіе совершалъ величественный Симеонъ Спецшскій. Помню также чувство тихой торжественности, исходившее на меня въ страстной четвергѣ, при чтеніи двѣнадцати евангелій въ Ильинской церкви однимъ простымъ неученымъ священникомъ. Онъ читалъ безъ всякихъ возгласовъ, но съ такимъ умилеіемъ и сочувствіемъ къ тому, что читалъ, что невольно и присутствующимъ сообщалъ чувство, которое воодушевляло его самого» ¹⁾).

Не менѣе цѣнно и слѣдующее признаніе Погодина. Въ Троицкій день 1825 года, послѣ богослуженія, онъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующее: «Необходимо пужна книга, описывающая наше богослуженіе. Масы, кажется, знаютъ много хорошаго объ этомъ». Или: «обѣдня, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть гіероглифъ для насъ. Подъ нею св. отцы сокрыли таинства религій» ²⁾). Тѣ же черты, характеризующія состояніе религіознаго сознанія, находимъ у Сперанскаго, Пирогова ³⁾, Жуковскаго. Сперанскій, напр., еще въ перепискѣ съ Теофиллактомъ калужскимъ указывалъ на то, что одна полемика съ антихристіанствомъ въ духовной литературѣ не составляетъ всего и даже главнаго. Подобныя сочиненія говорятъ не съ христіанами, а съ безбожниками и деистами, тогда какъ первое было бы пужнѣе послѣдняго. Каждый пастырь прежде всего долженъ сохранять и усовершенствовать стадо ему ввѣренное... наставлять не христіанъ на переходъ отъ внѣшняго христіанства къ внутреннему ⁴⁾).

Въ виду такихъ новыхъ запросовъ вѣрующаго, инстинктивно стремившихся къ церкви, но въ то же время успѣвшихъ пріобрѣсть особенную религіозную настроенность и особыя религіозныя потребности, возникла и для цѣлаго періода была поставлена особая задача. Явилась настоятельная нужда въ «оглашеніи», въ томъ, чтобы «въ возможной полнотѣ передать всѣ христіанскія истины, съ ихъ основаніями и доказательствами, догматическими, историческими, съ подробнымъ разъясненіемъ правилъ христіанской жизни, размышленіями и примѣрами» ⁵⁾).

¹⁾ Записки и Дневникъ, т. I. Стр. 108-110.

²⁾ *Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина, т. I, 285.

³⁾ „Р. Ст.“ 1884. № 11, 270. Посмертныя записки.

⁴⁾ Журн. мн. нар. просв., 1875 г., XI. *Галаховъ А.* Обзоръ мистической литературы въ ц. Александра I.

⁵⁾ „Духовный Вѣстникъ“, 1862 года, январь, стр. 453. Проф. *В. Добро-*

А если принять во вниманіе то убогое зачаточное состояніе, въ которомъ находилась тогда русская духовная литература, то невыясненное положеніе, въ которомъ пребывали самые основные вопросы насчетъ св. Писанія, преданія, символическихъ книгъ, сущности православія, отношенія къ западнымъ исповѣданіямъ и пр., — естественно сравнить предстоящую работу съ трудомъ древне-христіанскихъ огласителей, напр., Оригена. Послѣдній, уча другихъ, въ свободное время и самъ учился. Стараясь удовлетворить «безпрестаннымъ молебамъ приходящихъ толковать св. писаніе», онъ долженъ былъ составить колоссальный трудъ «экзаклы». Дни и ночи, затѣмъ, приходилось ему изучать въ подлинникахъ до мельчайшихъ подробностей философскія системы и еретическія ученія, чтобы быть во всеоружіи.

Все это, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, должно было явиться предметомъ разработки и въ тотъ огласительный періодъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Нужно лишь было обезпечить свободное проявленіе тѣхъ запросовъ, которые выдвигала жизнь, непринужденное обсужденіе тѣхъ темъ, которыя назрѣли, чтобы крѣпло религиозное мышленіе и была плодотворною по результатамъ намѣченная работа. Силы, необходимыя для выясненія и наученія, путемъ живого обмѣна мыслей, были, еще болѣе могло явиться. Затѣмъ, помимо вопросовъ, предлагаемыхъ извнѣ, среди самихъ православныхъ существовали разныя теченія или, по крайней мѣрѣ, взгляды, которые и могли противо-дѣйствовать односторонности.

Такъ, существовали еще лица, желавшія перенести въ па-ступившую болѣе холодную эпоху экстагическій жаръ прежняго времени. Типичнымъ представителемъ ихъ можетъ служить извѣстный священникъ Θεодосій Левицкій, или Макарій Глухаревъ. При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, мистическихъ ожиданіяхъ «близости кончины», они способны были на подвиги дѣятельной любви — страннопріимшчества, миссіонерства. Въ своихъ же рѣчахъ и запискахъ они увлекательно и въ то же время грозно пророчески умѣли говорить о томъ, въ чемъ были убѣждены ¹⁾.

творскій. О характеръ прежняго періода нашей духовной журналистики и современныхъ ея задачахъ.

¹⁾ См. автобіографія или „Описаніе духовныхъ трудовъ и всѣхъ случаевъ жизни священника Θεодосія Левицкаго“. Р. Ст. 1880, IX, XI. Также Арх. Св. С. 1822, 1272.

Затѣмъ, какъ показываетъ разборъ нѣкоторыми духовными лицами конфискованныхъ мистическихъ книгъ, у нихъ уже со-
здавалась способность объективно отнестись къ минувшему дви-
женію, и воспользоваться его уроками ¹⁾. А вмѣстѣ съ тѣмъ,
устанавливалась и общая точка зрѣнія на западную литературу
въ смыслѣ «всеиспытанія, но не всевѣрія». Это подготовляло
почву для научной выработки церковно-богословскихъ вопро-
совъ, пользуясь въ широкой мѣрѣ успѣхами западной науки.

Наконецъ, необходимо отмѣтить еще одно теченіе—фотіан-
ское, характеризующееся часто безотчетною, вообще фанатическою
ревностью по православію». Что оно, несмотря на эксцентричныя
выходки своего главнаго представителя «убогаго Фотія»,
и его личный, мало симпатичный характеръ ²⁾, имѣло подъ
собою почву, показывать его живучесть. Тенденціи Фотія чрезъ
Серафима были культивированы вполнѣ въ Пратасовымъ. И
какъ стремленія Фотія опытная оцѣнка весьма скоро признала
«раскольническими», такъ и въ ревнителяхъ пратасовскаго
времени она не безъ основанія вскорѣ увидѣла «бритыхъ
раскольниковъ». Однако, находя и у Фотія искреннихъ по-
читателей, которые у ногъ его находили удовлетвореніе, не-
обходимо видѣть и во всемъ этомъ инстинктивномъ, ревнивомъ
отношеніи къ вѣрѣ, чистыя побужденія, только искаженныя
сначала юродствомъ, а потомъ чиновничьими заботами о цер-
кви. Лишь болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ отгѣнкамъ въ понима-
ніи православія, этому консервативному моменту грозила опас-
ность исключительности, и оно всегда бы должно было имѣть
при себѣ и противъ себя коррективъ и противодѣйствіе.

Какъ могли бы въ дѣйствительности въ данную эпоху уравни-
вать другъ друга перечисленныя теченія, живымъ и на-
гляднымъ примѣромъ можетъ служить переписка братьевъ
Сергія, Алексѣя и Павла Ширинскихъ - Шихматовыхъ отъ
1827—31 года. Издатель этой переписки ³⁾ весьма основа-
тельно присвоилъ ей общее названіе «Матеріаловъ для исторіи
русской богословской мысли въ тридцатыхъ годахъ ХІХ столѣтія».
Она имѣетъ болѣе широкій интересъ для исторіи и могла бы
имѣть болѣе важное значеніе для своего времени, чѣмъ част-

¹⁾ Дѣло о вредныхъ книгахъ, Арх. Конф. Спб. Дух. Акад., 1825 г., № 29.

²⁾ См. особенно Р. Ст. 1902: *Слезкинскій*. „Фотій и А. А. Орлова-Чесменская“.

³⁾ В. Жмакинъ.

ная переписка братьевъ и на ней необходимо остановиться подробно.

Всѣ братья являются предъ нами до ригоризма православными и глубоко благочестивыми. Въ эпоху мистическаго движенія всѣ они находились въ Петербургѣ. Но старшіе—Павель и Алексѣй въ 1818 г. оставили службу и поселились въ своемъ имѣніи Архангельскомъ (Можайскаго уѣзда). Здѣсь они всей душой отдались дѣлу образованія и религіозно-правственнаго воспитанія крестьянскихъ и церковнослужительскихъ дѣтей, изо дня въ день лично занимаясь съ ними. Въ 1836 г. они освободили своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Князь Алексѣй (который собственно и былъ авторомъ всѣхъ писемъ изъ Архангельскаго) даже въ области богословской, путемъ простой начитанности, дошелъ до такой степени развитія, что мало уступалъ современнымъ ему богословамъ по профессіи. Онъ перечиталъ современную богословскую литературу. Обладая знаніемъ новѣйшихъ языковъ, онъ слѣдилъ за выдающимися произведеніями литературы богословской и на Западѣ ¹⁾).

Князь же Сергій, живя въ Петербургѣ въ самые «достопамятные» годы борьбы съ Голицынымъ, — уже съ перваго дебюта Фотія въ 1819 году, началъ все болѣе и болѣе поддаваться его гипнотизирующему вліянію, пока, наконецъ, не «водворился во святую обитель св. великомученика и побѣдоносца» подъ именемъ Аникита. Что бы ни говорили о Фотіи, — въ немъ онъ всегда видѣлъ ревностнаго борца въ трудную для церкви годину. Для старшихъ же братьевъ личность убогаго Фотія далеко не представлялась въ свѣтломъ ореолѣ и они, по отрывочнымъ, доходившимъ до нихъ свѣдѣніямъ, сумѣли вѣрно схватить отличительныя черты и тенденціи Фотіева православія. Поэтому, приписывая черѣдко брату такія воззрѣнія, за которыя онъ лично не стоялъ, и незаслуженно подвергая его «томительному истязанію о православіи», — погрѣшая, однимъ словомъ, въ конкретномъ фактѣ, братья въ общемъ вѣрно оцѣнили принципиальныя воззрѣнія пастыря Юрѣва монастыря и его адептовъ. Въ результатѣ начались пренія о вѣрѣ. «споспѣшествуемая» удивительно горячей взаимной любовью обѣихъ сторонъ.

Сущность этой полемики состоитъ въ энергичномъ нападѣ

¹⁾ В. Жмакинъ, стр. 5—6.

деніи Алексѣя и Павла на всѣ тѣ пункты юрьевскаго православія, которые являлись, по ихъ убѣжденію, такъ сказать, ирраціональными. Здравымъ смысломъ старались они обнаружить и оцѣнить ихъ, начиная отъ самыхъ грубыхъ приѣмовъ Фотіева способа убѣжденія до самыхъ скрытыхъ. Фотій, напримѣръ, склоняя Сергія къ постригу, присылаетъ ему «откровеніе въ письмѣ съ семью ангельскими печатами». Братья все-сторонне анализируютъ всѣ эти печати, находятъ тамъ инициалы на англійскомъ языкѣ «А. О. Ч.» ¹⁾ и предъявляетъ формальное обвиненіе: «сія заятая таишственность, не придавая ничего къ важности дѣла, ежели оно и отъ Бога, по давая оному еще видъ дѣла отъ человѣковъ, весьма уже умножаетъ виду изобрѣтателя, когда оно дѣйствительно есть не иное что, какъ человѣческій вымыселъ». Такъ же скептически отнеслись братья и къ описанію исцѣленія Фотіемъ Фотины, и въ ихъ правотѣ внослѣдствіи Анникита имѣлъ поводъ удостовѣриться.

Впрочемъ несравненно интереснѣе былъ походъ братьевъ противъ болѣе опасныхъ сторонъ Фотіева православія. Самое стремленіе дискредитировать чудеса и откровенія юрьевскаго архимандрита основывалось на желаніи доказать, что «евангельское церковно-учебныхъ книгъ ученіе стоитъ и устоитъ само собой. Такъ твердо оно утверждено всемъ множествомъ чудесъ, во всѣхъ народахъ и всѣхъ вѣкахъ, что гнѣтъ нужды намъ искать опоры оному въ новыхъ чудесахъ. Противное же сему, или въ чемъ важномъ несообразное ученіе, не можетъ стоять, при всемъ множествѣ подноръ и отъ самихъ чудесъ, которыя, при такомъ ученіи, не могутъ и не должны останавливать вниманіе наше, какъ бы очевидны они ни казались». Фотій для нихъ—ревнитель церкви не по разуму, а его монастырь—убѣжище противныхъ церкви мнѣній, раскольническое гнѣздо.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ относительно той позиціи, стоя на которой старшіе братья могли произносить такія обвиненія и обличенія.—Если смотрѣть безотносительно, легко можно придти къ выводу, что братья сами были въ сильной степени заражены раскольническою исключительностью. Въ самомъ дѣлѣ, во всей перенискѣ красною нитью проходить категорическое требованіе, чтобы Сергіи далъ, а затѣмъ подтвердилъ, письменное обѣщаніе «слово въ слово прини-

¹⁾ Инициалы, конечно, „духовной дщери“ Фотія кн. Орл. Чесменской.

мать все догматическое церковно-классическихъ книгъ ученіе, держась собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка и который иначе пріемлемъ быть не можетъ... Церковно-учебныя книги суть то хранилище, которое и содержитъ оное (ученіе) въ первобытной евангельской чистотѣ, какъ оно вышло изъ устъ Самого Спасителя и Его апостоловъ... Во всемъ, въ чемъ встрѣчается какое незнаніе или недоразумѣніе, должно справляться въ общихъ катехизисахъ и богословіяхъ, отъ Святѣйшаго Синода издаваемыхъ, и принимать оныя, какъ бы изъ самихъ апостольскихъ устъ исходящую евангельскую проповѣдь ¹⁾. Чѣмъ, спрашивается, все это не достойная расстоляника вѣра въ букву?!

Но, если вглядѣться пристальнѣе, становится понятною суть дѣла. Фотій весьма опредѣленно заявлялъ о неправомыслии всѣхъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, весьма ясно проповѣдывалъ о «согласіи архіереевъ, архимандритовъ и всѣхъ учителей російской церкви» на мнѣнія и хулы карбопаріевъ.

И наиримѣръ, ученикъ Фотія Сергій, со всей силой отвергая подозрѣніе братьевъ насчетъ слѣпота пристрастія къ старымъ книгамъ, пояснялъ однако: «все мое слѣпое пристрастіе къ старымъ книгамъ окажется развѣ то, что я предпочиталъ православное исповѣданіе прочимъ катехизисамъ, но православное исповѣданіе не есть отнюдь изъ числа старыхъ церковно запрещенныхъ книгъ. Книга сія всегда будетъ вѣщью православія, яко испытанная судомъ всѣхъ православныхъ премниковъ апостольскихъ и утвержденная общимъ всѣхъ одобреніемъ... А потому и теперь допуская, что и вашей единою православною церковью издаваемая учебныя книги, равно какъ и православное исповѣданіе, душеспасительны, пахожу, что нельзя книгъ сей не дать перваго между равными мѣста.

Въ искренности этого заявленія Сергія сомнѣваться нельзя: онъ самъ въ то время представилъ опытъ перевода этого изложенія вѣры (правда, неодобренный цензоромъ Павскимъ). Но уже тѣ хлопоты относительно изданія, которые обнаружилъ даже служившій по вѣдомству полиціи чиновникъ Штеръ ²⁾, показываютъ, что наипестическій отгѣнокъ исповѣданія Могила привлекалъ симпатіи тогдашнихъ ревнителей благочестія.

¹⁾ „Матеріалы“, стр. 23, 43, 14.

²⁾ „Письма разныхъ лицъ къ м. Филарету“. Письмо Григорія (Постыкова).

Въ противовѣсъ этому братья отстаивали «настоящія церковно-учебныя книги». А такъ какъ именно въ ту пору можно было говорить лишь о частныхъ попыткахъ возможно точной формулировки православнаго богословія, то и выходило, что, отстаивая *status quo* церковнаго изложенія вѣры, братья отстаивали его динамику, — процессъ его разработки.

Помимо защиты «новыхъ» катехизисовъ Филарета, братья энергично осуждали нѣкоторые признаки «ополченія противъ переложенія книгъ священнаго писанія» и попытку отвлечь другихъ къ своей ополчающейся сторонѣ. И простое, пояснили они, непочтеніе къ матери, къ матери церкви, грѣховно, богопротивно, а какимъ должно почитать ополченіе противъ нея, ополченіе не себя лишь, но и другихъ ¹⁾?.. Весьма скоро также они подмѣтили развитіе въ Сергіи такъ характернаго для «раскольниковъ» «отвращенія ко всѣмъ инославнымъ учителямъ духовнаго житія» и обратили вниманіе на опасную сторону этой исключительности.

Ополчающіеся противъ иновѣрцевъ-протестантовъ, пишутъ они, съ ревностью не по разуму, ревностью неосвященною, впадаютъ въ такую крайность, которая можетъ произвести вредъ гораздо тягчайшій. Начавъ опроверженіемъ дѣльных пововведеній и упущеній, впоследствии до того воспаляются гнѣвомъ и недоброжелательствомъ, что все кажется уже недостаточнымъ, нестерпимымъ въ ихъ церкви, — и самое то, что они имѣли и имѣютъ общее съ нами, такъ что даже и въ семь нежелательно уже быть съ ними единомысленными. Получивши однажды такое чувство, все, чѣмъ можно отклониться отъ нихъ, охотно пріемлется, и все, что сближаетъ съ нами, охотно упускается. Отсега тѣ внѣшности вѣры, которыя ими опускаются, обращаютъ наибольшее вниманіе, и отправляющіе оныя, хотя бы съ опущеніемъ важнѣйшихъ догматовъ, защищаются какъ православные.

Долго и замѣчательно жизненно спорили авторы писемъ и о разныхъ другихъ вопросахъ, — о томъ, можно ли назвать православными лицъ, соблюдающихъ по невѣжеству одну обрядовую сторону христіанства; можно ли съ спокойною совѣстью удаляться отъ міра въ монастырь, когда столько дѣятельной любви можно проявить въ образованіи народномъ и т. д.

Впрочемъ, Сергій (теперь уже Аникита) все болѣе и бо-

¹⁾ Стр. 55.

дѣе сталъ уклоняться отъ обсуждения вопросовъ по существу; нѣкоторыя же письма и вовсе оставлялъ безъ отвѣта. При всемъ томъ, несмотря на допускавшіяся полемическія рѣзкости, переписка до конца сохранила характеръ благороднаго спора, руководимаго исканіемъ истины и братскою заботою другъ о другѣ. Вотъ заключительные аккорды послѣднихъ писемъ по поднятымъ вопросамъ.

«Теперь, заключаю одно изъ послѣднихъ писемъ къ брату Аникитѣ кн. Алексѣю, отлагаю перо обличителя и облекаюсь въ смиренную одежду послѣдняго грѣшника. Останавливаю голосъ мой громкій, а по временамъ и колкій. Прости неуважливостию моею колкости и грубости за дѣльную и умѣстную ревность. Я часто испытываю, часто повѣряю себя въ моемъ къ тебѣ расположеніи, опасаясь, не простирается ли неблаговоленіе мое къ мнѣшнимъ твоимъ и на самого тебя. Но слава Господу, милующему меня, испытаніе сіе, кажется, паче другихъ примиряетъ меня съ моею совѣстью».

Возвращая этотъ свитокъ и прекращая полемику, Аникита, съ своей стороны, отвѣчаетъ на послѣдней страницѣ слѣдующими изреченіями: Суди ми, Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ; и на Господа уповая не изнемогу.

Искуси мя, Боже, и увѣжди сердце мое, истязки мя и разумѣй стези моя.

И виждь, аще путь беззаконія во мнѣ и пастави мя на путь вѣченъ.

Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣкы вѣковъ, Аминь.

Мы нашли необходимымъ подробнѣе остановиться на перепискѣ Ш.-Шихматовыхъ именно потому, что она представляетъ собою страстный и мотивированный протестъ противъ духа Фотія. Послѣдній же, какъ сказано, виталъ надъ всею церковною жизнью второй четверти минувшаго вѣка, перевоплощаясь лишь изъ новоизмышленнаго хитона Фотія въ мундиръ церковныхъ чиновниковъ. Отсюда и тѣ доводы, которые посылали братья въ Юрьевъ монастырь, могли бы имѣть широкій церковно-общественный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели, напримѣръ, къ одному только Аникитѣ—ученику и почитателю Фотія—относилось слѣдующее братское, но вмѣстѣ грозное предостереженіе:

«По мнѣнію нашему, ты поставленъ на широкій путь про-

тивісній церкви, которое, какъ ни прикрываютъ совѣтники твои ревностью по православію, не можетъ не обнаруживаться въ словахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ покрываютъ свои бредни всѣ старообрядцы. И даже тѣ раскольники, которые старались соорудить церковь свою па образецъ старинной церкви, до того изуродовали ее, что не имѣють и тѣни христіанства, и терпятъ у себя, даже уважають скверности и пороки наигнуснѣйшіе. Вотъ какъ опасно прилагаться къ стариннымъ толкамъ и партіямъ ¹⁾).

Сверхъ того, настоящая переписка показываетъ и доказываетъ полную и для того времени возможность единственно-цѣлесообразнаго пути въ дѣлѣ выясненія «православія». Силы, способныя къ живому обмѣну мыслей, существовали,—таились даже въ глухихъ углахъ. И только чрезъ этотъ обмѣнъ мнѣній сглаживались бы односторонности, устранялось бы все фальшивое. не имѣли бы мѣста безцѣльныя драмы духа. Нужны лишь были условія, которыя бы обезпечивали ту свободу и откровенность, какую можно видѣть въ частной перепискѣ.

Но именно этихъ то условій и не было: они болѣе всего не гармонировали съ духомъ эпохи Николая I.

«Въ николаевскую эпоху господствовала система. Эта система ясная, точная, такая, которая еще теперь поражаетъ насъ своимъ грандіознымъ размахомъ. Эта система являлась какъ бы живымъ воплощеніемъ непреклонной личности самого императора Николая I. Идея, которая проникала собою всю систему и какъ мозгъ наполняла кости ея, была идеей внѣшняго могущества и силы Россіи съ одной стороны, безусловнаго единства ея духовной жизни съ другою»...

«Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій внѣшняго могущества, по мнѣнію императора Николая, являлось полное, безусловное, петерпящее никакихъ даже самонамѣннхъ уклоненій, духовное единство всѣхъ русскихъ людей. Имъ должны были проникнуться всѣ, начиная съ перваго вельможи и кончая послѣднимъ мужиченкомъ... Всѣ усилія правительства въ области внутренней политики сводились къ дисциплинѣ, идеаломъ которой была дисциплина военная. Каждому было указано свое, строго опредѣленное мѣсто; отъ каждаго требовалось, чтобы онъ говорилъ думалъ и чувствовалъ именно такъ,

¹⁾ Переписка, стр. 197.

какъ было предписано. Одинъ долженъ былъ чувствовать побольше, другой поменьше; одному полагалось знать то, чего не полагалось знать другому; въ мысляхъ одного могло быть больше развязности и бойкости, чѣмъ въ мысляхъ другого или третьяго, которому совсѣмъ не полагалось имѣть никакихъ мыслей. Все это было строго предусмотрѣно системой, все это математически точно соответствовало положенію челоуѣка на землѣ.

«Больше всего, конечно, боялись мысли, и какъ жилось ей въ этой обстановкѣ—сообразить не трудно. Интеллигентная мысль менѣе всего подходила подѣ требованія системы... Но какое дѣло «системѣ» до особенности и индивидуальности? Крупныхъ людей, какъ, на примѣръ, Пушкина, она старалась привлечь на свою сторону. Съ мелкими она совершенно не церемонилась; и даже мрачные казематы Соловецкаго монастыря для «заживо погребенныхъ» никогда не оставались пустыми.

«Господствовала теорія, которую г. Пыпинъ какъ нельзя удачливѣе называетъ «официальною народностью». Признавалось и вѣрилось, что «Россія есть совершенно особое государство и особая національность, не похожая на государства и племена Европы»...

«Въ религіозномъ отношеніи Россія страна православная и даже наиболѣе православная. Ея исповѣданіе заимствовано изъ древняго византійскаго источника, вѣрно хранившаго преданія церкви, и она осталась свободна отъ тѣхъ религіозныхъ волненій, которыя первоначально отклонили отъ истиннаго пути католическую церковь, а потомъ поселили распри въ ея собственной средѣ и произвели протестантизмъ съ его безчисленными сектами. Правда, и у насъ есть раскольники, но правительство и церковь употребляютъ всѣ усилія и мѣры строгости къ возвращенію заблудшихъ и къ искорененію ихъ заблужденій. Раскольники, по ихъ невѣжеству, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія, но вообще терпимы быть не могутъ.

«Если мы и отстали отъ Европы въ цивилизаціи и наукѣ, то обстоятельство это служить на нашу же пользу, такъ какъ наука получается у насъ въ томъ видѣ, когда всѣ сѣмена ея тщательно отдѣлены отъ плевелъ. «Высшія учрежденія блюдутъ за тѣмъ, чтобы наука приносила намъ только полезное, и запрещаютъ все, что можетъ повести къ вреднымъ умствованіямъ».

«Система ломала все, что встрѣчалось у ней на пути и

огромная часть ея усилій была направлена къ тому, чтобы оградить себя отъ возможности и въ дальнѣйшемъ встрѣтиться съ какими бы то ни было непріятностями. Тутъ на первомъ планѣ выступаютъ заботы о цензурѣ» ¹⁾.

Этотъ, пусть даже не весьма самостоятельный по мыслимъ, но, безспорно, живой и вѣрный очеркъ Евг. Соловьева представляетъ лучшую характеристику той логики, которой слѣдовало николаевское царствованіе, въ частности по церковно-богословскимъ вопросамъ. Какъ во всемъ, такъ и въ этой сферѣ идеаломъ для императора Николая было единообразіе. Въ это царствованіе пишетъ М. Я. Морошкинъ, разномысліе въ Синодѣ если и допускались по необходимости, на словахъ, то почти никогда не являлось въ письменныхъ его актахъ. Причиною всему были главнѣйше самъ Императоръ, весьма не жаловавшій отдѣльныхъ мнѣній со стороны членовъ синода и, если когда такія встрѣчались, объявлявшій за нихъ, чрезъ оберъ-прокурора, свое неудовольствіе, временами довольно рѣзко. Такъ, когда по дѣлу генераль-адъютанта Клейнмихеля, за прелюбодѣяніе разведеннаго съ первою женою и памфривавшагося вступить во второй бракъ съ двоюродною сестрою своей первой жены, произошло разногласіе между м. м. Филаретомъ и духовникомъ государевымъ Музовскимъ (Филаретъ запрещалъ этотъ второй бракъ, какъ противный всѣмъ каноническимъ правиламъ, а Музовскій доказывалъ противное), то Государь, на докладѣ оберъ-прокурора князя Мещерскаго объ этомъ разномысліи написалъ слѣдующее: «Въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ и не должно; поему подобнаго представленія принять я не могу отъ высшаго духовнаго мѣста въ государствѣ. Вамъ, какъ блистателю законовъ, должно сіе вразумить членамъ синода, и когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и на толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣніе представить. Сімъ дѣломъ заняться не медля: ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобнымъ докладомъ, который совершенно выходитъ изъ всякаго приличія».

Нерѣдко, впрочемъ, добавляетъ тотъ же историкъ, Государь не уважалъ и единогласныхъ мнѣній Синода, оставляя ихъ безъ дѣйствія, особенно по дѣламъ брачнымъ» ²⁾.

¹⁾ *Евг. Соловьевъ* (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1902 г., стр. 42—7.

²⁾ Сборникъ Импер. Р. Ист. Общ. т. 113, стр. 18.

Тотъ же принципъ, даже въ той же словесной формѣ, примѣнялся императоромъ и по другимъ поводамъ. Единообразіе, напримѣръ, учебныхъ руководствъ, въ дѣлѣ преподаванія христіанскаго ученія, вполне согласовалось съ предназначеніями государя, и послѣдній готовъ былъ раньше времени изъяслять высочайшую санкцію, стѣсняющую появленіе новыхъ опытовъ»¹⁾).

Проводниками «системы» въ жизнь являлись тѣ лица, которыя окружали Николая I, тѣ учрежденія, которыя стояли во главѣ различныхъ областей. Въ частности и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія то или другое примѣненіе и осуществленіе личныхъ взглядовъ императора не мало обуславливалось свойствомъ и настроеніемъ преломлявшей среды.

Въ первое десятилѣтіе царствованія Николая, несмотря на благосклонное его отношеніе къ отдѣльнымъ лицамъ, — мужественному въ день 14 декабря м. Серафиму, опытному администратору м. Филарету, энергичному реформатору оберъ-прокурору Нечаеву, при немъ не было, однако, «достойнаго и вѣрнаго слуги». Такого онъ приобрѣлъ лишь въ 1836 г. въ лицѣ графа Пратасова. Съ этого собственно времени, въ продолженіи двадцати лѣтъ шагъ за шагомъ начала осуществляться систематизація церкви.

Тотъ консерватизмъ, который во всѣхъ областяхъ засталъ новый императоръ, видимо не удовлетворялъ его. Слишкомъ грубо сплелись здѣсь личные виды, близорукія мнѣнія, негодныя средства. Какъ извѣстно, вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ произвелъ пересмотръ книгъ, запрещенныхъ въ эпоху «дикой цензуры», милостиво отнесся къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ, изгнанныхъ Руничемъ. Еще болѣе характернымъ доказательствомъ несочувствія Николая I крайностямъ прежней реакціи служитъ судьба цензурнаго устава Шишкова. Будучи утвержденъ новымъ императоромъ, онъ просуществовалъ лишь два года. Самое введеніе этого «чугуннаго» устава авторъ изслѣдованія: «Цензура въ царствованіе Николая I» объясняетъ затрудненіями и заботами тогдашней эпохи, вслѣдствіе которыхъ Николай I, довѣряя монархической преданности и испытанной Александромъ I опытности Шишкова, утвердилъ проектъ, не поручивъ никому предварительно рассмотреть его... Но молодой императоръ, продолжая авторъ, не замедлилъ

¹⁾ Дѣло Спб. ух. цена. ком. 1827, 29.

отступиться отъ новаго своего закона тотчасъ же, какъ только ему доказана была его несостоятельность и несовершенство... (Въ своихъ Запискахъ Шишковъ признаетъ свой уставъ «оклеветаннымъ» предъ государемъ) ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, утвержденіе новаго устава 1828 года самъ Шишковъ призналъ неожиданностью для себя, и на другой же день вышелъ въ отставку.

Подобное отношеніе Николая I къ Шишкову, если не вождю, то ревнителю реакціи 1824 — 5 года, должно было произвести свое впечатлѣніе и на высшіе церковные круги. Равнымъ образомъ, еще не ослабѣвшее вниманіе и новаго императора къ м. Филарету, ревностному противнику «обратнаго хода», настраивало ихъ на выжидательный ладъ, заставляло пока ограничиваться мало дѣйствительными предписаніями и спорадическими, не весьма обильными результатами, выступленіями.

Вотъ одно изъ междувѣдомственныхъ сношеній, весьма характерное для первыхъ годовъ обозрѣваемаго нами періода. По случаю изданнаго книгопродавцемъ Брифомъ объявленія, писалъ оберъ-прокуроръ Нечаевъ министру народнаго просвѣщенія въ 1833 году, митрополитъ Серафимъ увѣдомилъ меня, что упоминаемый въ немъ *Conversations Lexicon* есть книга, обратившая на себя вниманіе Его Императорскаго Величества, ибо Е. В.—ство, при самомъ почти началѣ царствованія, прислалъ къ нему ст.-секретаря Муравьева спросить его мнѣнія, что, какъ въ *Лексиконѣ* семь паходятся статьи, противныя ученію святой Церкви нашей и чести Правительства, то отбирать ли его у покупателей, коихъ было много, или лучше не отбирать, дабы не подать повода любопытной публикѣ привлечь къ книгѣ сей, яко запрещенной Правительствомъ большее вниманіе. Имѣя сіе въ виду митрополитъ полагалъ, что не слѣдовало бы выдавать ее въ публику, ежели не исключены изъ сего сочиненія прежнія статьи о Христѣ Спасителѣ и Пр. Богородицѣ, также объ Императорѣ Павлѣ и другія, подобныя имъ ²⁾.

Главное же обстоятельство, которое подтачивало пока жизнеспособность тогдашняго церковнаго консерватизма, было

¹⁾ Р. Ст., 1901, т. 107, стр. 402.

²⁾ Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ, хранящ. въ Спб. Публ. Б—къ, № 1, л. 3.

отсутствіе въ немъ какихъ-либо положительныхъ руководящихъ точекъ зрѣнія и недостатокъ творчества. Вѣдь даже для составленія и затѣмъ переработки катехизиса недовѣрившіе православію Филарета должны были обратиться къ тому же Филарету. Или, запрещая, напр., переводы св. писанія на русскій языкъ, ревнители православія не могли указать иныхъ мотивовъ, кромѣ морально-филологическихъ соображеній адмирала Шишкова и угрозъ м. Серафима: если вы (м. Филаретъ) будете настаивать на продолженіи перевода священнаго писанія, то я выйду въ отставку ¹⁾).

Не имѣя основаній къ полной конфискаціи изданныхъ еще раше книгъ Новаго Завѣта, и не обладая силами возстановить неприкосновенность и непоколебимый авторитетъ славянскаго перевода Библіи, приходилось терпѣливо дожидаться «истощенія» наличнаго количества отпечатанныхъ экземпляровъ и даже до времени сквозь пальцы смотрѣть на экзегетическія работы ученыхъ гебраистовъ.

Пользуясь такой неопредѣленностью начальственной опеки, стали появляться нѣкоторые признаки, указывавшіе на возможность оживленія духовной литературы.

Уловивъ самые элементарныя нужды наступившаго «огласительнаго» періода, выступила на поприще сочинительства прежде всего цѣлая категория разнообразныхъ писателей и издателей. Пионеры реакціи—Руничъ и Магницкій предлагали свои фабрикаты: первый «Взглядъ на состояніе міра при рожденіи Иисуса Христа» ²⁾, второй «Разговоръ отца съ сыномъ о св. исторіи и ученіи вѣры» ³⁾, капитанъ-лейтенантъ желалъ издать «Опроверженіе возстающихъ на Церковь Христову», гвардіи инженеръ - поручикъ работалъ надъ произведеніемъ «Другъ истины» ⁴⁾, а камеръ-юнкеръ «надъ краткой священной исторіей», чиновникъ X класса проповѣдывалъ «Во спасеніе души—юношамъ и дѣвицамъ», а XIV класса желалъ издать «Послѣдованіе артоса» ⁵⁾. Еще чиновникъ пропагандировалъ «Искусство, какъ быть достаточнымъ и счастливымъ» ⁶⁾, а помѣщикъ де-Вольфъ, посвящая м. Серафиму свой переводный трудъ «Объ уваженіи и достоинствахъ Церкви», раз-

¹⁾ Пр. Об. 1868 г., ч. 26, стр. 526—7.

²⁾ Арх. Спб. Дук., 1834, II.

³⁾ Арх. 1828, 27.

⁴⁾ Арх. Спб. Дук., 1830, 5.

⁵⁾ Арх. 1838, 33, 1830, 11.

⁶⁾ Арх. 1836, 4.

вивать цѣлую программу вліянія церкви на католической подкладкѣ ¹⁾).

Нужно ли говорить, затѣмъ, какъ скоро успѣлъ ориентироваться въ моментѣ чисто коммерческой людъ, какъ усиленно сталъ онъ выбрасывать на рынокъ всевозможныя священно-историческія, дидактическія, и т. п. произведенія. Издатели рылись въ каталогахъ XVIII вѣка, заказывали ходкій товаръ грамотнымъ мѣщанамъ, переводили паскоро соотвѣтствующій матеріаль съ иностраннаго. И нельзя отрицать, что, конкурируя другъ съ другомъ, они, даже помимо цензурныхъ требованій, должны были постепенно вносить нѣкоторыя улучшенія въ свои изданія, дѣлать ихъ болѣе живыми и наглядными.

Но, конечно, это было еще далеко не то, къ чему обязывали нужды времени. Даже о свѣтской литературѣ, въ которую уже входили Пушкинъ и Гоголь, историкъ Карамзинъ и многіе другіе, Никитенко, въ одну изъ мрачныхъ минутъ 1838 года, рѣшился сказать: «Какъ торговое дѣло у насъ литература еще существуетъ, какъ нравственно-духовное — ея нѣтъ, и, кажется, не скоро будетъ ²⁾». Тѣмъ естественнѣе ожидать не болѣе какъ скудныхъ посѣвовъ на пивѣ духовной литературы того времени. И, однако, слишкомъ многое зависѣло отъ этой поры сѣянія и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ оказались молодые всходы.

Каковы же тѣ тенденціи, которыя могутъ быть названы характерными для духовной литературы тридцатыхъ годовъ, для эпохи, справедливо называемой и въ исторіи общей литературы временемъ по преимуществу переходнымъ?

На пути къ объективному сужденію о цѣляхъ тогдашнихъ церковно-богословскихъ опытовъ стоитъ расплывчатый и вмѣстѣ тяжелый, какъ кошмаръ, призракъ «неологій». Достаточно было тому или другому автору обмолвиться однимъ выраженіемъ, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ сочувствіи къ реставраціи библіи и церкви по критико-эзегетическому методу рационализма. Ибо, предполагало заботливое попеченіе о чистотѣ умовъ, разъ всякая болѣе выдающаяся научная сила неуклонно стремится къ западному источнику, — значить привлекателенъ

¹⁾ Спб. Дик. 1831.г.

²⁾ Барсуковъ. Жизнь... Погодина, т. V, 155 стр.

и заразителенъ скрывающійся тамъ ядъ. А отсюда необходимы гарантинныя мѣры.

Между тѣмъ, на дѣлѣ тогдашнее тяготѣніе къ западной литературѣ вовсе не являлось походомъ за Эйхгорномъ и Штраусомъ. Это были лишь практическіе результаты остраго сознанія всей скудости запаса фактическихъ знаній, и всей нелѣпости привычныхъ схоластическихъ методовъ. Возникла жажда хотя бы энциклопедическихъ знаній, явилось стремленіе къ работѣ болѣе близкой къ первоисточникамъ. Въ подтвержденіе этого можно указать на нѣсколько областей богословія.

Прежде всего эта тенденція приняла довольно широкіе размѣры въ отношеніи къ св. писанію. Неблагоклонное отношеніе церковной власти къ популяризаціи и научной его разработкѣ, выразившееся въ закрытіи Библейскаго Общества, далеко не могло уничтожить назрѣвшихъ стремленій. Теперь уже ко многимъ можно было примѣнить то настроеніе, которымъ объяснялъ Г. И. Павскій свою экзегетическую дѣятельность. «Не языкъ (еврейскій) былъ мнѣ дорогъ, а св. Писаніе, чистое, неискаженное толкованіями; посредствомъ знанія языка я хотѣлъ дойти до вѣрнаго толкованія и пониманія св. Писанія. А извѣстно, что вѣрное пониманіе еврейскаго языка ведетъ къ пониманію богословія¹⁾».

«Въ 1830 и 1840 годахъ, свидѣтельствуетъ одинъ современникъ студенты всѣхъ академій, также служащіе во всѣхъ семинаріяхъ и образованные изъ лицъ духовныхъ, можно сказать, горѣли желаніемъ видѣть св. Писаніе въ русскомъ переводѣ и этотъ переводъ имѣть у себя подъ руками для чтенія, для пользованія имъ, для назиданія. Это то, можно сказать, всеобщее желаніе видѣть и имѣть Писаніе въ русскомъ переводѣ и было причиною столь быстраго расхода въ концѣ 1830-хъ годовъ трехъ литографированныхъ студентами Петербургской академіи изданій перевода Павскаго. О себѣ скажу, что, когда вѣсть о палитографированіи перевода Павскаго разошлась по семинаріямъ, я немедленно выписалъ экземпляръ его чрезъ земляка своего, бывшаго въ числѣ студентовъ XIII курса Петербургской академіи, а ректоръ нашей (Тобольской) семинаріи, архим. Венедиктъ, выписалъ для себя экземпляръ чрезъ кого то другого. Мой экземпляръ не одинъ разъ побывалъ въ рукахъ, кромѣ сослуживцевъ моихъ, и у

тогдашняго глубокоуважаемаго архіепископа Тобольскаго Аонасія. Что же касается учениковъ семинаріи богословскаго класса, то, по крайней мѣрѣ, добрая половина ихъ готовы были своеручно переписать для себя переводъ»¹⁾).

Свое утвержденіе, что вѣрное пониманіе св. писанія ведетъ къ пониманію богословія, Павскій способенъ былъ доказать и на дѣлѣ. Достаточно, напримѣръ, продумать нѣсколько тезисовъ изъ «Мыслей о законоученіи» (послѣдника цесаревича), изложенныхъ Павскимъ въ 1826 г., чтобы вполне согласиться съ замѣчаніемъ его біографа: «Въ этихъ своихъ сужденіяхъ Павскій, говоритъ онъ, опередилъ свою эпоху на полстолѣтіе и нанесъ бы еще въ свое время смертельный ударъ схоластикѣ, если бы его записка появилась тогда же въ печати. Въ своихъ понятіяхъ о взаимномъ отношеніи религіи, какъ внутренняго чувства, какъ основпой стихіи духовно-нравственной жизни человѣка, къ религіи положительной, какъ суммѣ богооткровенныхъ истинъ или догматовъ, Павскій сказалъ новое слово въ нашемъ богословіи». Вообще Павскій признавалъ необходимымъ «съ ясностью и жизнью предлагать ученіе о религіи»²⁾).

Церковная исторія, по мнѣнію Павскаго, должна отличаться наибольшею полнотою, такъ какъ эта исторія не есть исторія однихъ внѣшнихъ событій, а исторія догматовъ, правилъ нравственности и обрядовыхъ учрежденій, которыя все развивались постепенно. «повременно», въ послѣдовательномъ генетическомъ порядкѣ, подобно тому, какъ всякій организмъ, со всеми его отдѣльными членами и функціями дѣятельности, развивается изъ сѣмени». Того же убѣжденія держались и выступившіе тогда историки Филаретъ (Гумилевскій) и Горскій³⁾.

Глубокое знаніе св. писанія, древне-христіанской литературы, наконецъ, личный историческій складъ ума, позволяли Павскому быть поваторомъ, не будучи неологомъ,—глубоко вѣрующимъ, не будучи охранителемъ. Свое научное сredo онъ выразилъ въ слѣдующихъ горячихъ строкахъ, когда началось «дѣло о противозаконномъ палитографированіи» Библии.

¹⁾ Прот. *Сулоцкий*. Р. Стар., 1881 г., июль, 484—5 стр. „Протоіерей Г. П. Павскій и м. Филаретъ.“

²⁾ „Русск. Стар.“ 1880 г., февраль, стр. 271, 275. *Н. Барсовъ*. Прот. Г. П. Павскій.

³⁾ *А. Лебедевъ*. Церковная исторіографія, стр. 562.

«Я увѣренъ, писалъ тогда Павскій, что ни одинъ изъ моихъ учениковъ не скажетъ обо мнѣ, что я научилъ его чему-либо неправославному, что я не говорилъ о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы... Пробуждая любовь къ Слову Божию, я никогда не терялъ изъ виду и церковныхъ догматовъ, старался подкрѣплять ихъ доводами изъ священнаго Писанія, видѣлъ и другимъ указывалъ въ нихъ единодушный голосъ отцевъ церкви. Правда, люблю ясность и доказательность и хочу вѣрить только тому, что твердо стоитъ на своихъ началахъ, но въ этомъ мнѣ никто не полагаетъ препоны. Благодарю Бога, что церковь, въ которой я рожденъ и воспитанъ, не принуждаетъ меня вѣрить чему-либо безъ доказательствъ. Она позволяетъ мнѣ углубляться въ чистое и святое Слово Божіе и если что предпринимаетъ, всегда указываетъ основаніе своему предписанію въ Словѣ Божіемъ и въ общемъ голосѣ просвѣщенныхъ учителей церкви. И потому я чтилъ и чту ее какъ путеводительницу и мать, и никто изъ знающихъ меня не скажетъ, чтобы я отвергалъ какія-либо ея постановленія и догматы. Неужели я ложью, лицемѣріемъ, неправовѣріемъ, вольнодумствомъ, пріобрѣлъ то уваженіе, которымъ пользуюсь у людей просвѣщенныхъ, почтенныхъ и по своему благочестію и по глубокимъ познаніямъ ¹⁾).

Другой «неологъ» тридцатыхъ годовъ, знаменитый Иннокентій (Борисовъ) также пытался внести новую струю въ безжизненное дотолѣ богословіе. Внутренній характеръ богословствованія Иннокентія въ кievской академіи, по характеристикѣ проф. Малышевскаго ²⁾, состоялъ въ искреннемъ стремленіи къ разумному и цѣлостному воспріятію откровенной истины, выражающемуся не только въ широтѣ и свѣтлости богословскаго созерцанія его, но и въ нѣкоторомъ, ему свойственномъ, сердечномъ постиженіи откровенной истины, въ ея небесной чистотѣ, божественномъ величіи и благодатной силѣ. Онъ обладалъ искусствомъ открывать въ предметѣ новыя стороны, дѣлать оригинальныя сближенія, неожиданныя, но мѣткія при-способленія, въ чемъ помогала ему не только творческая сила созерцанія (фантазія), но и обширность, хотя бы то лишь общихъ свѣдѣній, кромѣ богословія, еще въ другихъ наукахъ, имѣющихъ цѣлью изученіе человѣка и видимаго міра. за

¹⁾ Р. Ст. 1880, V. 121—2.

²⁾ Пятидесятилѣтній юбилей кievской духовной академіи. 1869. „Рѣчь“.

современными идеями и успѣхами которыхъ (наукъ) онъ слѣдилъ.

Инокентій былъ способенъ будить мысль, — и въ этомъ его заслуга. Его лекціями еще на семинарской скамьѣ зачитывались будущіе богословы.

Что направленіе поваторовъ въ богословіи далеко не возбуждало симпатіи со стороны церковной власти, объ этомъ ясно говорятъ обвиненіе, предъявленное къ Павскому за уроки для наслѣдника престола и «секретное испытаніе» Инокентія. Но на этихъ, слишкомъ извѣстныхъ въ литературѣ, дѣлахъ пѣтъ нужды останавливаться. Можно лишь замѣтить, что обнаруживая и здѣсь чрезвычайную заботливость о мысляхъ и успѣшно подбирая цѣлыя серіи неправильныхъ выраженій, м. Филаретъ все же слишкомъ легко переходилъ къ подозрѣнію всего авторскаго образа мыслей въ неправославіи. Возраженіями Павскаго успѣшно отклонялись многія изъ предъявленныхъ обвиненій ¹⁾. Объ остальной же ихъ части, сводящейся главнымъ образомъ, къ умолчанію о тѣхъ или другихъ предметахъ, нельзя произносить окончательнаго сужденія, имѣя въ виду конспективный характеръ «уроковъ», трудность для Филарета становиться на почву чужихъ взглядовъ, наконецъ, личные отношенія автора и «примѣчателя».

Гораздо больше, чѣмъ эти инциденты, матерьяла для сужденія о богословскихъ задачахъ тридцатыхъ годовъ представляетъ судьба «Нравственной Библіотеки».

Состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, (ранѣе даровитый преподаватель орловской семинаріи), Фавицкій, предпринялъ изданіе на русскомъ языкѣ собранія лучшихъ систематическихъ сочиненій по части нравоученія, переводя ихъ съ древнихъ и новѣйшихъ языковъ. Для большаго успѣха, издатель заручился покровительствомъ великаго князя Михаила Павловича, одобреніемъ имп. Николая и согласіемъ на посвященіе Библіотеки наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

Но уже первый представленный имъ въ духовную цензуру переводъ «Христіанское нравоученіе Рейнгарда» подвергся удержанію въ комитетѣ, послѣ придиричливой, уничтожающей критики трехъ его членовъ.

Не излагая здѣсь ея, равно какъ и другихъ документовъ,

¹⁾ Р. Ст. 1880 г. *Н. Барсовъ*. Г. П. Павскій.

приводимъ лишь существенную часть жалобы издателя на высочайшее имя, гдѣ онъ даетъ общую апологію своей попытки.

Предпріятіе издать собраніе разныхъ системъ науки, доказываетъ онъ, основанныхъ, во первыхъ, на различныхъ началахъ, каковы суть разумъ и откровеніе, во вторыхъ, на ученіи разныхъ школъ и исповѣданій, само по себѣ представляетъ такой случай, въ которомъ нельзя требовать, какъ вещи совершенно невозможной, чтобы всѣ ученія и мнѣнія были согласны не только съ нашими понятіями, но и между собою взаимно. Слѣдовательно, или подобно согласиться терпѣливо выслушивать мнѣніе и доказательство каждаго, а потому издать систему въ такомъ видѣ, какъ она написана, или самое предпріятіе должно почесть вовсе непозволительнымъ, что противно, какъ уставу, такъ и общему правилу, которому съ давнихъ временъ у насъ слѣдовали касательно употребленія сочиненій самыхъ языческихъ древнихъ писателей, пбо въ самыхъ духовныхъ училищахъ въ рукахъ воспитанниковъ всегда безвозбранно находились не только Платонъ, или Епиктетъ, но и самый Лукрецій, несмотря на его безбожіе. Тѣмъ менѣе можно предполагать опасности отъ христіанскаго правоученія, какихъ бы оно церквей ни было и на какихъ бы началахъ оно ни основывалось, аскетическихъ, или евдемоническихъ, или же, какъ Рейнгарда, на эклектическихъ, пбо общимъ ихъ началомъ всегда откровеніе и общею цѣлью исполненіе воли Божіей, которой одной всегда ищутъ въ Священномъ Писаніи, хотя слова онаго разумѣютъ неодинаково. Особенно нечего опасаться этого ученія при такомъ изданіи, которое составитъ сводъ системъ и мнѣній, гдѣ заблужденія не преминутъ найти свои опроверженія къ большей очевидности и торжеству истины. Безусловное же удаленіе всякихъ возраженій и противорѣчій оставляетъ только въ покоѣ ученіе, но владычества истины вовсе не укрѣпляетъ и не обезпечиваетъ, если даже его еще не ослабляетъ.

Во-вторыхъ, что касается собственно до Рейнгарда, то извѣстно, что память его, какъ мужа ученаго и добродѣтельнаго, какъ благочестиваго протестантскаго духовнаго учителя, прославляется во всей Германіи... Правоученіе его, какъ я неоднократно удостовѣренъ былъ отъ просвѣщеннѣйшихъ духовныхъ особъ въ Германіи, доселѣ пользуется тамъ неоспоримую пальмою первенства, какъ по учености, съ какою оно написано, по богатству важныхъ указаній, которыми исполнено, и по

полнотѣ, съ которою объемлетъ свой предметъ, такъ и по своему духу христіанскаго, хотя и протестантскаго благочестія. Не говорю о томъ, что въ Германіи не безъ удивленія услышали бы объ осужденіи сего писателя на отлученіе отъ цѣлаго христіанства, а его христіанскаго нравоученія на храненіе подъ печатью, какъ сочиненія «зловреднаго, развратительнаго», но не могу умолчать, что въ тетрадахъ, по которымъ и нынѣ преподается богословіе въ здѣшней (спб.) духовной академіи, коей одинъ изъ цензоровъ инспекторъ, а другой профессоръ, Рейнгардъ называется защитникомъ Православія, особеннаго уваженія заслуживающимъ. Вотъ собственныя слова тетради: «между защитниками Православія особенное уваженіе заслуживаютъ: Лессъ, Зейлеръ, Рейнгардъ» ¹⁾.

Итакъ, заключалъ Фавицкій, нравоученіе Рейнгарда не можетъ быть названо противнымъ христіанской нравственности. Тѣмъ менѣе оно можетъ быть противно религіи вообще, и ни комитетъ, ни одинъ изъ цензоровъ нигдѣ того не замѣтилъ... Съ моей стороны должны быть соблюдены лишь требуемыя условія, т. е. чтобы было извѣстно, къ какому исповѣданію принадлежитъ сочинитель (это исполняется приложеніемъ краткаго извѣстія о жизни Рейнгарда), а второе условіе я старался исполнить помѣщенными во многихъ мѣстахъ примѣчаніями, и обязуюсь впредь удовлетворить оному совершенно по указаніямъ цензуры.

Для пересмотра рукопись была передана Синодомъ протопресвитеру Кутневичу, который нашель, что «благонамѣренная осмотрительность издателя не вывела его изъ всѣхъ сѣтей, которыя ложнымъ мудрованіемъ сочинителя разметаны въ различныхъ частяхъ науки». Однако бывший профессоръ філософіи призналъ, что въ «Всеобщемъ нравоученіи разсужденія о христіанской нравственности существенно не связаны съ сочиненіемъ и входятъ въ него лишь поскольку авторъ при изложеніи ученія своего принимаетъ въ соображеніе различныя системы нравоученія древнихъ и новѣйшихъ временъ. И, какъ изложеніе естественнаго нравоученія, трудъ Рейнгарда заключаетъ въ себѣ довольно основательныя разсужденія и хорошія нравственныя правила, которыя, будучи отдѣлены отъ ложныхъ разсужденій сочинителя объ основаніяхъ христіанскаго ученія, съ пользою могутъ быть изданы на руссійскомъ языкѣ.

¹⁾ См. Богосл. обличит. о Неологизмъ и рационал. литературѣ.

Тѣмъ не менѣе Синодъ безусловно воспретилъ изданіе перевода и предложилъ министерству народнаго просвѣщенія вообще воспретить пропускъ книги, какъ вредной въ Россіи. Предложеніе было исполнено. Вслѣдствіе всего этого, когда, уже чрезъ пять лѣтъ послѣ начала дѣла, Фавицкій вновь исходатайствовалъ у государя и Синода разрѣшеніе внести исправленный переводъ въ д.-цензурный переводъ, послѣдній счелъ себя вправѣ возвратить его безъ разсмотрѣнія ¹⁾).

Впрочемъ, теперь уже наступила эпоха Пратасова. Какого же взгляда держался послѣдній на заимствованіе научныхъ пособій съ Запада, это уже въ 1839 году успѣлъ обнаружить инцидентъ съ книгами, выписанными наставниками московской академіи и спасовиоанской семинаріи. Въ этомъ году председатель комитета иностранной цензуры извѣстный А. Красовскій довелъ до свѣдѣнія Уварова о полученіи изъ Лейпцига 177 книгъ, затребованныхъ ректоромъ московской академіи Филаретомъ. Какъ выписанныя на имя академіи, комитетъ, обремененный множествомъ занятій, находилъ возможнымъ выдать эти книги безъ разсмотрѣнія, не смотря на то, что двѣ изъ нихъ были запрещены, а остальные еще неизвѣстны цензурѣ. Уваровъ отнесся къ Пратасову.

Формально выписавшіе книги были не правы. Выписка книгъ, вопреки правиламъ, была произведена помимо академическаго правленія. Тѣмъ не менѣе постановка, которую склоненъ былъ придать этому дѣлу Пратасовъ, показываетъ, что онъ подозрѣвалъ академическую корпорацію не въ одномъ только неуваженіи къ закону. Помимо официальнаго запроса духовно-учебнаго управленія имѣли, очевидно, мѣсто и болѣе интимныя сношенія. О характерѣ же послѣднихъ можно судить по слѣдующему письму ректора Филарета (Гумилевскаго) на имя оберъ-прокурора.

«Вашѣму Сіятельству, писалъ архимандритъ, осмѣливаюсь объяснить дѣло о книгахъ, которыя были требуемы изъ-за границы наставниками академіи. Книги были выписываемы единственно по желанію имѣть лучшія пособія для преподаванія духовныхъ наукъ. При составленіи списка нужныхъ книгъ, руководствовались, послѣ собственнаго знакомства съ нуждами той или другой науки, совѣтами благонамѣренныхъ писателей. Пока Господь милостивъ къ намъ столько, чтобы не допускать

¹⁾ Арх. Св. Синода 1835 г., 1379; Сиб. Дцк., 1838, 26.

насъ до желаній очевидно бесполезныхъ и даже вредныхъ. Ошибки, какія теперь открылись въ дѣлѣ нашемъ, составляютъ истинно только ошибку невѣдѣнія, которая особенно въ семь случаѣ весьма легко могла быть допущена. Христіанская Полемика Зака, какъ теперь стало извѣстно по слухамъ, заключаетъ опроверженіе Штрауссоваго нечестиваго сочиненія о жизни Христа Спасителя. Но такое содержаніе ея совѣсть мнѣ не было извѣстно, когда она вписывалась въ списокъ книгъ пужныхъ. Я не имѣлъ пужды слушать опроверженіе книги Штрауссовой, которой я никогда не видѣлъ и никогда не имѣлъ желанія видѣть: отзывы другихъ о ея грубомъ нечестіи достаточны для меня были, чтобы болѣе и не слышать ничего о пей. Христіанская Полемика, по названію своему и по имени благонамѣреннаго сочинителя своего, представлялась мнѣ полезною только въ томъ отношеніи, что надѣялся я видѣть въ ней хорошее опроверженіе давно извѣстныхъ ложныхъ мыслей. Что я не могъ имѣть свѣдѣнія о ея спорахъ съ Штрауссомъ, В. С. благоволите увѣриться и тѣмъ, что она издана только въ 1838 г. Намъ всѣмъ крайне прискорбно, что, желая единственно пользы, по невѣдѣнію подпали подозрѣнію въ желаніи неполезнаго и тѣмъ причинили безпокойство В. С. Когда по одному случаю лейпцигскій книгопродавецъ Фоссъ изъявилъ желаніе доставлять намъ за самую выгодную цѣну книги, пужныя намъ, намъ представилось сообразнымъ съ долгомъ нашимъ воспользоваться средствомъ къ исполненію главнаго долга нашего... В. С-ство! совѣстью человѣка, котораго не по достоинству удостоилъ Господь облечь священнымъ званіемъ, увѣряю, что намѣренія наши были просты и чисты, какія прилично имѣть совѣсти христіанина. И посему то съ спокойною совѣстью осмѣливаюсь утруждать В. С. всепокорнѣйшей просьбой—спизойдите къ ошибкѣ невѣдѣнія съ любовью христіанскою и благоволите милостиво споспѣшествовать дѣлу, начатому единственно по желанію добра».

Книги на этотъ разъ были выданы, правила выписки подтверждены и дополнены. Впрочемъ, Синодъ, вѣроятно въ качествѣ эпитиміи, поручилъ Филарету «пересмотрѣть всѣ 177 книгъ съ тѣмъ, чтобы относительно содержанія ихъ и благонамѣренности цѣли изложилъ бы свое заключеніе». Свой отзывъ Филаретъ представилъ уже въ 1842 году¹⁾. *).

Алексѣй Котовичъ.

¹⁾ Дѣло Дух. Упр. 1839, 63.

*.) Окончаніе слѣдуетъ.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.Н. Котович

**Черты и условия
развития русской богословской
мысли в эпоху Николая I**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 11. С. 854-877.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Черты и условия развитія русской богословской мысли въ эпоху Николая I. *)

ВЪ ЭТИ ГОДЫ Пратасовъ и его сподвижники намѣчали уже и отчасти выполняли программу «утвержденія православія на древнихъ началахъ». Издаваемы были тѣ изложенія вѣры, гдѣ проводилась мысль о преимущественномъ значеніи «церковныхъ заповѣдей», о безусловномъ авторитетѣ церковной іерархіи; настойчиво подчеркивалось неизмѣнное употребленіе славянскаго языка при богослуженіи и т. д. ¹⁾.

Уже въ 1837 году, подъ диктовку гр. Пратасова, м. Фларетъ кievскій въ одномъ общеупотребительномъ тогда учебникѣ священной исторіи исправилъ пункты «о епископатѣ, соборахъ, іерархіи и монашествѣ древней церкви, о единомысліи съ греческою церковью» и внесъ въ текстъ слѣдующія строки: «Правила (соборовъ), изданныя и утвержденныя свми соборами, послѣ Священнаго Писанія, составляютъ непреложное законодательство въ Православной Церкви, которое она всегда сохраняетъ и всегда будетъ сохранять непоколебимо. Пбо тотъ же Духъ Святой, сошедшій на апостоловъ, просвѣщаетъ и ихъ преемниковъ св. отцевъ для управления вѣрною имъ Церковью Божіею».

Въ качествѣ заключенія учебника была внесена слѣдующая тирада: «Во благоденствію любезнаго отечества нашего

*) Окончаніе. См. ноябрь.

¹⁾ Чистовичъ. Исторія пер. Библии, 126—7.

процвѣтаетъ Православная Церковь, въ благословенной державѣ Великихъ Государей Россійскихъ, управляемая Св. Синодомъ, *какъ непрерывнымъ помѣстнымъ соборомъ и сохраняетъ* ¹⁾ союзъ духовнаго единенія съ четырьмя патріаршими престолами... представителями своихъ древнихъ церквей, а всѣ вмѣстѣ образуютъ едину, святую... Церковь, которую и врата адавы не одолѣютъ... по словамъ самого Христа, общавшаго пребыть съ нею во всѣ дни до скончанія вѣка». Полный же перечень всѣхъ «мѣръ» представилъ самъ Пратасовъ въ докладѣ государю отъ 14 ноября 1842 г.

«Съ 1836 года, докладывалъ Пратасовъ, предприняты самыя дѣятельныя мѣры къ совершенному преобразованію воспитанія духовнаго юношества; по высочайшему повелѣнію издапы въ свѣтъ коренныя уставы вселенской церкви, какъ основаніе каноническаго права, не имѣвшаго мѣста въ программахъ духовно-учебныхъ заведеній прежняго времени; сдѣлапы главными руководствами въ преподаваніи догматическаго богословія «Изложеніе православной вѣры», написанное восточными патріархами и «Православное исповѣданіе вѣры», составленное П. Могилой; въ академіяхъ и семинаріяхъ введено ученіе объ отцахъ церкви и распространено на всѣ три отдѣленія преподаваніе специальныхъ богословскихъ наукъ; возобновлено изданіе книги «Камень вѣры Ст. Яворскаго» и, наконецъ, пространный катехизисъ московскаго м. Филарета, совершенно переработанный авторомъ, согласно съ строгими требованіями древняго православія, введенъ въ повсемѣстное употребленіе въ качествѣ школьнаго руководства по закону Божію.

Но для того, продолжалъ докладъ, чтобы истинное древнее вѣроученіе пропикло всѣ отрасли богословскаго преподаванія и принесло благословенныя плоды, нужно еще много усилій, твердости и постоянства въ неуклонномъ направленіи духовнаго образованія къ спасительной цѣли». Въ этихъ видахъ было признано необходимымъ: 1) воспитанникамъ внушать, что Св. Писаніе само себя не изъясняетъ; 2) объясненія Св. Писанія приспособлять къ греческому тексту; 3) остерегать воспитанниковъ отъ ученыхъ «мертвящихъ душу» злоупотребленій Св. Писаніемъ, позволяющихъ смотрѣть на него,

¹⁾ Отмѣченное курсивомъ въ дѣлѣ написано вмѣсто чего-то другого выскобленнаго. Арх. Св. Синода 1837, 1476.

какъ на предметъ историческихъ, филологическихъ и философскихъ изслѣдованій; 4) въ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не поднимать безполезныхъ и даже опасныхъ педологическихъ вопросовъ о вѣрѣ; 5) изгнать изъ преподаванія догматическаго богословія усиленный систематизмъ, придающій духовнымъ наукамъ видъ наукъ свѣтскихъ, и, наконецъ, при изученіи нравственнаго богословія съ надлежащею силою и полнотою раскрывать изложенія въ «Православномъ Исповѣданіи» церковныя заповѣди и вообще употреблять всѣ усилія, чтобы ученіе Христово падало на сердца воспитанниковъ и оплодотворялось въ жизни».

На докладѣ государемъ была положена такая резолюція: «Совершенно одобряю взглядъ сей на положеніе нашихъ духовныхъ дѣлъ; слѣдуетъ продолжать осторожно исправлять то, что еще осталось прежняго неправильнаго; это долгъ нашъ»¹⁾.

Впрочемъ, какъ упомянуто, докладъ этотъ появился уже въ 1842 году. Ранѣе же этого, несмотря на постепенную подготовку почвы для проведенія облюбованныхъ тенденцій, ревнителямъ древняго православія недоставало отправной точки, утвердившаяся на которой можно бы было груто повернуть рычагъ.

Груто, насильственно,—потому что основной тонъ реформы не возбуждалъ симпатій въ болѣе сознательныхъ современникахъ. Съ разныхъ сторонъ доходили, хотя и робкіе, но все же проникнутые сарказмомъ протесты. «На бѣду, писалъ нѣсколько ранѣе изъ Кіева Павскому Иннокентій, вашъ владыка (Серафимъ) недавно расходился со своимъ православіемъ... Отечественная попечительность, простираемая за тысячи верстъ, право, отзывается преслѣдованіемъ»²⁾.

Еще болѣе мѣтко попадали въ цѣль позднѣйшіе отзывы. «Вамъ, конечно, хочется знать о здѣшнихъ новостяхъ, писалъ въ самомъ началѣ 1837 года ректоръ С.-Петербургской академіи Виталій своему пріятелю въ Кишиневъ. Ихъ пока нѣтъ; но не сомнѣваюсь, что будутъ. Теперь только еще говорятъ, что все старое (что мы называли новымъ) не православно, худо, гадко. Что изъ сего выйдетъ? Непремѣнно новый порядокъ вещей, а лучший ли, увидимъ. Иной бы воскликнулъ и справедливо: *Quousque tandem*, да такъ воскли-

¹⁾ Архивъ К. О. Пр. Св. Синода. Дѣло секретное, 8.

²⁾ „Р. Ст.“, 1880, VI, 230.

цать могли Цицероны только въ мірѣ языческомъ!» И далѣе: Препровожденное вами ко мнѣ для напечатанія (въ «Христіанскомъ Читаніи») слово Бурдалу о *мирѣ*, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ произвести войну. Что православно на французскомъ языкѣ, то на русскомъ, того и смотри, что попадетъ въ неправославное. Развѣ пустить ради дверсіп, т. е. отъ лютеранства своротить подозрѣніе на католицизмъ? Но въ обонхъ случаяхъ одна горечь». Извиняясь, наконецъ, въ промедленіи съ высылкой просимыхъ книгъ, авторъ письма и здѣсь не удержался отъ проическаго замѣчанія. «Два экземпляра Жизни ап. Павла и Священный словарь Малова давно для васъ куплены и обросли уже пылью; не гнѣвайся, будутъ казаться старѣе, а это нынѣ въ модѣ» ¹⁾).

Къ вновь учреждаемымъ съ реформаторскими цѣлями комитетамъ преобладало нѣсколько скептическое по крайней мѣрѣ нетерпѣливое отношеніе. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма архіепископа владимірскаго Пароенія «самому» м. Серафиму: «Что проекты на проекты устава для духовныхъ училищъ? А дряхлаго Баумейстера ²⁾ не смѣняютъ вышеопытные? А сухой Бургій ³⁾ не на пенсію?»

И, безспорно, къ этому именно времени «воцерковленія» Пратасова болѣе всего можетъ относиться отзывъ Иннокентія, что «у него (Пратасова) многое не подведено подъ ясное сознаніе» ⁴⁾. Съ цѣлью выясненія своей программы, оберъ-прокуроръ прибѣгнулъ къ приему, сущность котораго такъ излагаетъ Д. Ростиславовъ. «Нѣкоторые оберъ-прокуроры находили пужнымъ сблизиться съ какимъ-либо ученымъ архимандритомъ или архіереемъ, чтобы чрезъ нихъ ознакомиться съ каноническимъ правомъ и съ особенностями духовной учености и администраціи и чтобы чрезъ то крѣпче удержаться на своемъ мѣстѣ. Архимандритъ — оберегаль оберъ-прокурора отъ промаховъ, — оберъ-прокуроръ же поднималъ его выше въ церковной іерархіи» ⁵⁾).

Фаворитомъ Пратасова послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ сдѣлался архм. Аонасій; его, по выраженію м. Фила-

¹⁾ „Р. Арх.“, 1898, I, 305.

²⁾ и ³⁾ Извѣстные схоластическіе учебники. Хроника арх. Саввы, т. I, 112.

⁴⁾ *Барсуковъ*. Жизнь Погодина, т. VI, 91.

⁵⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1883, VII, 140.

рета, оберъ-прокуроръ понесъ на своихъ плечахъ. При всей своей энциклопедической учености ¹⁾, Аѳанасій справедливо уже въ то время слытъ «за фапатика, поборника того православія, которое держится не смысла, а буквы религіи и которое больше уважаетъ преданіе чѣмъ Евангеліе» ²⁾. Онъ-то главнымъ образомъ и сообщилъ Пратасову необходимую рѣшимость въ дѣлѣ укрѣпленія православія. Своихъ противниковъ по взглядамъ онъ готовъ былъ звать на судѣ патріарховъ, или, при случаѣ, расправляться съ ними своими средствами.

Поводъ къ этому былъ данъ, или, говоря точнѣе, созданъ дѣломъ «о противозаконномъ налитографированіи въ С.-Петербургѣ неправильнаго перевода на русскій языкъ нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта».

Нѣтъ надобности излагать всѣ обстоятельства этого дѣла послѣ ихъ опубликованія и разсмотрѣнія, напримѣръ, въ «Исторіи перевода Библии на русскій языкъ». Достаточно лишь замѣтить, что вызвавшія дѣломъ многочисленныя слѣдственные комиссіи не могли, однако, найти здѣсь какого-либо противоцерковнаго замысла. Мотивомъ отлитографированія перевода исключительно съ еврейскаго языка служили давно сознанныя научныя потребности и естественная неудовлетворенность темнотою славянскаго текста. Мысль изданія сама собою возникла у студентовъ и другихъ лицъ, многіе годы трудившихся надъ перепиской уважаемыхъ лекцій. Способъ литографированія — путемъ вкладыванія листовъ перевода въ экземпляры другихъ лекцій, будучи «противозаконнымъ», уже тогда приобрѣлъ однако силу обычая, и, помимо всего прочаго, покрывался снисходительнымъ отношеніемъ академическаго начальства. Наконецъ, тщательные розыски и систематическія донесенія со всѣхъ концовъ Россіи, зараженныхъ «печестивымъ переложеніемъ», собственно не уполномочивали даже на предположеніе строгаго законника епископа Вепедикта: «Если бы изъ множества послѣднихъ (воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній) хотя у нѣсколькихъ остались мысли сомнительныя на счетъ господствующаго въ православномъ ученіи

¹⁾ Которую такъ энергично защищаетъ архіеп. Никаноръ херсонскій на посвященныхъ Аѳанасію страницахъ своихъ воспоминаній (Автобіографическіе матеріалы, изд. свящ. Петровскаго, т. I.

²⁾ Никитенко. I, 467—8.

текста, то и это для попечительности церкви должно быть не маловажно» ¹⁾). Вообще, корень дѣла прекрасно опредѣлили самъ Павскій въ такихъ словахъ: виновать ли я, что людскія мнѣнія измѣняются и что считавшееся законнымъ прежде признается теперь незаконнымъ.

Даже «обличеніе» соблазнительныхъ мѣстъ перевода при серьезномъ отношеніи само собою переходило въ споръ на научной почвѣ, и все дѣло являлось лишь постановкой научныхъ проблемъ. Послѣднія рано или поздно должны были разрѣшиться путемъ всесторонняго обсужденія всѣхъ доводовъ въ защиту перевода LXX и еврейскаго. Дебаты эти состоялись поздно,—главнымъ образомъ уже въ 70-хъ годахъ ²⁾), тогда какъ мѣсто ихъ было нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе.

Путь къ выходу изъ того тяжелаго положенія, которое было создано дѣломъ Павскаго, весьма ясно сознался лицами, трезво смотрѣвшими на вещи. Разъ даже несовершенный и противозаконный переводъ получалъ такое широкое распространеніе,—значить была неотложная нужда въ переводѣ совершенномъ и санкціонированномъ высшей властью. Весьма конкретно выразилъ эту мысль епископъ Иннокентій. «Не мѣшало бы подумать и о томъ, писалъ онъ въ заключеніе своего письма къ Сербиновичу, отчего происходятъ подобныя явленія? У насъ все только обираютъ, а даютъ взамѣнъ что? Надобно накормить души: сытые сами не будутъ хвататься за всякое блюдо. Побольше мѣръ положительныхъ, а отрицательныя сами перестанутъ быть нужными.

Но, какъ извѣстно, подобнаго рода подчеркиваніе м. Филаретомъ московскимъ и отчасти кievскимъ необходимости «накормить души» дало Пратасову вѣрный поводъ окончательно возстановить м. Серафима противъ всякихъ посягательствъ на Св. Писаніе, удалить обоихъ митрополитовъ изъ Синода и усилить свои папистическія тенденціи.

Четырьмя годами ранѣе архим. Макарій Глухаревъ, доказывая пользу русскаго перевода Библии, писалъ, обращаясь къ государю: «Нѣтъ возможности воспроизвести въ Россіи римскую церковь ³⁾ Св. Петра; но Ваше Величество можетъ изъ

¹⁾ Чистовичъ, 183.

²⁾ Такова, напримѣръ, тогдашняя полемика Горскаго-Пл. и пр. Теофана въ „Прав. Обзорѣніи“.

³⁾ Т. е. соборъ. „Исторія пер. Библии“ Чистовича.

чистѣйшихъ дражайшихъ веществъ россійскаго слова создать словесный храмъ премудрости Божіей въ такой прочности... въ такомъ великолѣпнн... что онъ будетъ истинною славою православія нашей церкви...»

Ревнителн Церкви не по разуму послѣ 1842 года не прочь были исполнить этотъ совѣтъ... лишь *mutatis mutandis*. На окончательнo скомпрометированной, по ихъ мнѣнію, идеѣ перевода писанія на общедоступное нарѣчіе они задумали «воспроизвести въ Россіи римскую церковь св. Петра», съ необходимыми уступками русско-византійскому стилю.

Такъ, вопросъ о видимой главѣ церкви не обсуждался: его внушала практика. И если, по свидѣтельству Никитенко ¹⁾, даже римско-католическая академія была устроена съ цѣлью укоренить въ питомцахъ мысль о главенствѣ въ церкви императора, а не папы, то тѣмъ болѣе эта идея признана была неотдѣлимой отъ истиннаго духовнаго образованія.

Въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾ протоіерей Базаровъ приводитъ слѣдующій фактъ. При окончаніи курса въ академіи (въ 1843 г.), я писалъ диссертацию на степень магистра богословія на тему объ англиканской церкви сравнительно съ православною, и тутъ я прямо указалъ на отличіе нашей церкви въ томъ, что мы не признаемъ главенства царя надъ церковью, между тѣмъ какъ въ англиканской, по протестантскому принципу, король есть глава церкви, затѣмъ *episcopus*. Сдавши эту диссертацию, я отправился спокойно отдыхать въ семейство моего тогда еще будущаго тестя, протоіерея Кочетова, какъ вдругъ является ко мнѣ курьеръ изъ академіи съ требованіемъ немедленно явиться къ инспектору, которымъ тогда былъ архимандритъ Іосифъ ³⁾. Когда я явился, онъ встрѣтилъ меня такими словами:

— Что это вы написали въ вашей диссертацин, что у насъ царь не есть глава церкви. Вѣдь вамъ за это не дадутъ степени магистра.

На мой скромный вопросъ: «Но развѣ это не такъ?» онъ отвѣчалъ:

— Да этого нельзя говорить. Не позволятъ. Вотъ возьмите вашу диссертацию и перемѣните это мѣсто, или вовсе объ немъ не говорите.

¹⁾ Дневникъ, т. I, 434.

²⁾ Р. ср. 1901, т. CV, стр. 300—1.

³⁾ Точнѣе, кажется, Іосафъ.

Когда я это рассказалъ Муравьеву (Андр. Н.), онъ пришелъ въ сильное негодованіе.

— Все это графъ Пратасовъ. Онъ отдастъ за это и за многое отвѣтъ Богу.

Главнымъ образомъ, конечно, дѣло Павскаго побудило культивировать по римскому образцу въроучительную сторону православія. Уже въ періодъ самаго дѣла и затѣмъ немного спустя по его окончаніи, была выражена и подтверждена высочайшая воля, относительно охраненія священныхъ книгъ въ настоящемъ ихъ видѣ неприкосновенно.

Но, чтобы еще тверже обезпечить неприкосновенность славянскаго текста и предупредить самую возможность критическаго къ нему отношенія, ревнители церкви не останавливались предъ мыслью канонизаціи его на подобіе Вульгаты. Правда, въ виду недоумѣній и протестовъ, идея осталась идеей. «Св. Синодъ, писалъ м. Филаретъ московскій, по трудамъ исправленія славянской библіи, не провозгласилъ текста славянскаго исключительно самостоятельнымъ и тѣмъ прозорливо преградилъ путь тѣмъ затрудненіямъ и запутанностямъ, которыя въ семь случаевъ были бы тѣ же, или еще большія, нежели какія въ римской церкви произошли отъ провозглашенія самостоятельнымъ текстомъ Вульгаты ¹⁾».

Тѣмъ не менѣе, общая мысль, что славянскій текстъ самодовлѣющъ и даже можетъ служить оригиналомъ для другихъ, осталась во всей силѣ. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ одинъ архимандритъ изъ «угадывающихъ мысль, которая въ модѣ и покровительствуется сильными» ²⁾ предлагалъ услуги по переводу Библіи на славянскій языкъ, руководствуясь исключительно греческимъ текстомъ. Въ 1854 же году серьезно обсуждали предложеніе обратнаго характера. А. С. Норовъ обратился въ Синодъ съ просьбой о разрѣшеніи напечатать Новый Заветъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ, «такимъ образомъ, что греческій текстъ будетъ приспособленъ къ славянскому на основаніи извѣстныхъ древнихъ рукописей» ³⁾.

Въ качествѣ справки, въ дѣлѣ находятся записки, адресованныя на имя «Константина Степановича» (Сербиновича),

¹⁾ Чистовичъ. 130.

²⁾ По выраженію м. Филарета, который и отклонилъ это предложеніе. Тамъ же, 131.

³⁾ Изданіе предназначалось, главнымъ образомъ для южнорусскихъ грековъ.

трудно установить кѣмъ, хотя, вѣроятно же всего, еп. Аѳанасіемъ (тогда уже саратовскимъ): «Что же касается до вопроса... о переводѣ... такъ, чтобы греческій текстъ былъ приспособленъ къ славянскому..., то какъ греческій текстъ, приспособленный такимъ образомъ къ славянскому, будетъ разпествовать съ принятымъ Константинопольскою церковью, изданіе сего текста можетъ не только встрѣтить пререканіе со стороны греческаго духовенства, но и подать поводъ къ соблазну въ народѣ»¹⁾.

Какъ видимъ, если бы не практическія соображенія, принципъ допускалъ бы и предложенную Норовымъ комбинацію!..

Во время дѣла о противозаконномъ палитографированіи перевода, м. Серафимъ призналъ въ немъ «испроверженіе коренныхъ началъ православія, ибо по ученію православной церкви св. Писаніе предано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей и уже чрезъ нихъ народу».

Это рельефно выраженная римская точка зрѣнія насколько можно поддерживалась и потомъ. Въ этомъ убѣждаетъ, напри- мѣръ, слѣдующее характерное дѣло.

Чиновникъ изъ департамента военныхъ поселеній Мироненко обратился въ Синодъ съ ходатайствомъ объ исправленіи нѣкоторыхъ выраженій въ акаоистѣ св. Троицы (изд. въ 1849 г.) и о совершеніи «молебнаго служенія о преданіи аподемъ» не только въ Казанскомъ, но и въ другихъ столичныхъ соборахъ. Не получая отвѣта, онъ обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя, что и вызвало особое опредѣленіе Синода въ концѣ 1851 г. Духовному лицу Мироненко (или другому опытному священнослужителю) было поручено «объяснить ему, что онъ неправильно понимаетъ и толкуетъ мѣста св. Писанія, касающіяся приснодѣвства Богоматери и что, онъ пріемлетъ на себя тяжкій грѣхъ, позволяя себѣ входить въ сужденія и толковать, къ соблазну своему и другихъ, св. Писаніе, истолкованіе коего зависитъ единственно отъ церкви православной, которой онъ долженъ вѣрить и повиноваться безусловно».

Пратасовъ по порученію Синода, увѣдомилъ, кого слѣдуетъ. Вскорѣ чрезъ начальника III отдѣленія былъ полученъ отзывъ военнаго министра, что Мироненко за неумѣстное вмѣшательство его въ сужденіе объ одномъ выраженіи въ акаоистѣ...,

¹⁾ Канц. О. П. С. С. 1853, 122.

сдѣланъ выговоръ, со внушеніемъ ему, чтобы на будущее время въ разборъ предметовъ вѣры вовлекаться не осмѣливался. При этомъ была отобрана и росписка слѣдующаго содержания: «Я, нижеподписавшійся, даю сію подписку Г. Директору Департамента Воен. Поселеній, въ томъ, что отныгѣ я отнюдь не буду входить ни письменно, ни словесно ни въ какое разбирательство священнаго писанія, или предметовъ, до вѣры относящихся, подвергая себя за нарушеніе сего строжайшей отвѣтственности по усмотрѣнію моего Начальства».

Подписку эту, удостовѣряющую, «что опъ, МIRONENKO, впредь никогда не будетъ утруждать никого, ни на словахъ, ни на бумагѣ, объ измѣненіи выраженій въ православномъ ученіи, — приказали (Синодъ) принять къ дѣлу, предписавъ Митрополиту о будущихъ наблюденіяхъ духовнаго отца МIRONENKO доносить Св. Синоду въ свое время, если въ томъ будетъ усмотрѣна имъ, Преосвященнымъ, надобность»¹⁾.

Тотъ же инцидентъ съ переводомъ Павскаго оставилъ одну изъ главныхъ посылокъ къ разрыву съ духовно-учебнымъ уставомъ 1814 года. Со всѣмъ краснорѣчіемъ излагалъ Пратазовъ въ одномъ изъ докладовъ, что появленіе неправильнаго перевода не есть явленіе случайное, но приготовлено было самымъ требоваемъ устава. Именно онъ, обязывая изъяснять священное Писаніе не по переводу 70 толковниковъ, а по оригинальному изложенію, предписывалъ держаться по каждой наукѣ на одной линіи съ послѣдними открытіями и усиліями... «Стараніе исполнить оный (второй пунктъ) въ точности привлекло изъ-за границы множество рационалистическихъ книгъ, въ числѣ прочихъ представляющихъ современное состояніе богословскихъ наукъ. Такимъ образомъ въ изъясненіе священнаго Писанія вкрадывалось лютеранское начало, и родились вопросы, кои оскорбили бы слухъ благочестивыхъ предковъ нашихъ о подлинности, достовѣрности, богодухновенности книгъ священнаго Писанія, цѣлю чего было основать вѣру на разумномъ убѣжденіи, или, что то же, поставить на ея мѣсто разумъ».

Отвѣтъ государя вполне санкціонировалъ предположеніе оберъ-прокурора, повелѣвая Синоду «усилить мѣры къ охраненію книгъ священнаго Писанія въ настоящемъ ихъ видѣ неприкосновенно и къ утвержденію всего воспитанія духовнаго

¹⁾ Капц. О. П. С. С. 1850, 44 272.

юпошества на истинныхъ началахъ нашего древняго православія, посредствомъ скорѣйшаго преподанія правильныхъ къ тому руководствъ»¹⁾.

Конечно, съ отклоненіемъ всякаго рода «вводныхъ экзегетическихъ» принциповъ, «содержимыя Церковію начала»²⁾, могли выражаться главнымъ образомъ въ истолкованіи библейскихъ книгъ, пользуясь свято-отеческой литературой. Она выдвигалась на первый планъ, а св. Писаніе «унижалось», по выраженію м. Филарета.

Въ связи со всѣмъ этимъ происходила и разработка руководствъ, соотвѣтствовавшихъ признанному церковною властью нуждамъ. Выразилась она главнымъ образомъ въ составленіи догматическихъ системъ. Почти всѣ догматисты того времени — Димитрій, Макарій, Антоній, Апатолій вышли изъ кіевской академіи, болѣе или менѣе испытавъ возбуждающее вліяніе Иннокентія. Поэтому и появленіе догматическихъ трудовъ, безъ сомнѣнія, было вызвано не указами, а назрѣвало постепенно. Зато, безспорно, поскольку «исполненіе высочайшей воли» Пратасова служило поводомъ къ ихъ «скорѣйшему» и тенденціозному появленію, — они не къ выгодѣ своей отразили на себѣ черты духа и методовъ руководящихъ дѣятелей. Не имѣя подъ руками строго выдержанныхъ системъ, ревнители ех offіціо православія всегда чувствовали нѣкоторую неловкость. Ее въ послѣдствіи самъ оберъ-прокуроръ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ автору Догматическаго богословія Антонію: «Вы оказали намъ великую услугу... Вы сняли съ насъ позоръ, что доселѣ не было въ Россіи своей системы Богословской»³⁾.

«Точное изложеніе православной вѣры» для ревнителей было необходимо и ради представительства предъ другими христіанскими общинами, и для утвержденія чадъ церкви въ правосмыслии. Притомъ они надѣялись, что такимъ путемъ будутъ занесены въ православныя символики ихъ излюбленныя мнѣнія съ католическимъ оттѣнкомъ. На первый разъ они стремились осуществить свою задачу тѣмъ, что поручали разнымъ лицамъ составленіе «догматическихъ сборниковъ» (архим. Филарету, Иннокентію, Макарію). Сводъ цитатъ, наприимѣръ,

1) Сборн. И. Р. Ист. Об., т. 113, 46—7.

2) А. С. С. 1839, 674.

3) Архимандритъ *Сергій* (Василевскій). В. Филаретъ, митр. кіевскій, т. III, 123.

изъ Димитрія Ростовскаго, составленный Макаріемъ, по иниціативѣ Аонасія, думали даже ввести въ качествѣ руководства по семинаріямъ.

Отношеніе нашихъ догматистовъ къ этимъ щекотливымъ официальнымъ порученіямъ было различно. Филаретъ московскій колебался и ссылался на старость ¹⁾. Иннокентій затягивалъ дѣло. Филаретъ Гумилевскій уклонялся подъ разными предлогами. Объ истинномъ же его взглядѣ на такія порученія достаточно говоритъ его отзывъ о ректорѣ Аонасіи «орудіи и дѣйствителѣ отчаянномъ по видамъ и волѣ бритыхъ раскольниковъ». Ему, кромѣ того, не пришлось, «когда проводить мысль откровенія по категоріямъ церковной схоластики, какъ душу по мытарствамъ. Этотъ скелетъ (схоластики) и безъ того наскучилъ хуще чумы» ²⁾.

Макарій болѣе другихъ пришелся ко двору и поселилъ въ душѣ «раскольниковъ» великія надежды. Въ самый день пріѣзда его въ Петербургъ, Аонасіи «преподробно, въ продолженіи часовъ пяти, испыталъ его въ знаніи догматическаго богословія, особенно касаясь пунктовъ православія... Опъ, продолжаетъ Макарій, тутъ же началъ хвалить мой образъ мыслей, называя его совершенно сходнымъ, до малѣйшихъ подробностей, со своимъ... Сколько тутъ хорошаго для меня... Въдь отъ отвѣтовъ на первый разъ зависѣло мое все...» Тѣмъ же топомъ проинкнута и позднѣйшее его письмо «Благодареніе Господу! Теперь, по волѣ начальства (Пратасова, Карасевскаго) я принялся за новый трудъ. Разумѣю православное догматическое богословіе...» ³⁾.

Правда, составленная даже главнымъ образомъ на основаніи католическихъ пособій, система Макарія (Введеніе и догматика) не санкціонировала прямо основныхъ воззрѣній «начальства». Но все же онъ, почти первый разработавшій у насъ вопросъ о церкви, оказалъ большую имъ услугу постановкой какъ этого вопроса, такъ и другихъ подобныхъ.

Разсуждая, напримѣръ, о критеріяхъ православія, Макарій слѣдуетъ такой логикѣ:

«Употребительнѣйшія изъ началъ, на основаніи которыхъ

¹⁾ Чт. Общ. Люб. Д. Пр. 1877. XI. Письма къ Григорію, 28/II 1842 г.

²⁾ *Листовскій*. 223.

³⁾ *Ө. Титовъ*. В. Макарій, м. московскій. 114.

⁴⁾ *Макарій*. Введеніе въ Православное Богословіе, т. I, 1848 г., 552—3.

обыкновенно стараются доказать истинность или православіе какой-либо церкви, извѣстны слѣдующія:

Первое: «истинная Церковь есть та, которой вполне приличествуютъ свойства, указанные въ словахъ Ник.-цар. Символа: вѣрую во единого... Церковь». Этимъ началомъ пользуются по преимуществу богословы Римской церкви, а иногда и наши (прот. Терновскій).

Второе: истинная Церковь есть та, въ которой сохраняется чистое проповѣданіе Слова Божія и правильное содержаніе таинствъ». Этому началу держатся протестанты.

Третье: истинная Церковь есть та, которая право и неизмѣнно сохраняетъ непогрѣшительное ученіе древней Церкви вселенской и во всемъ пребываетъ ей вѣрною». Это начало высказано и раскрыто нѣкоторыми изъ нашихъ богослововъ (Іакинфъ, Иринеи, Платонъ, Филаретъ), и ясно указывается самымъ наименованіемъ Церкви нашей, которымъ она обыкновенно отличаетъ себя отъ прочихъ,—Церкви православной, т. е. праввѣрующей.

Отмѣчая недостатки первыхъ двухъ (главнымъ образомъ ихъ *qui pro quo*). Введеніе доказываетъ преимущества третьяго, ибо «здѣсь судить древняя Церковь вселенская съ своимъ неизмѣннымъ, строго опредѣленнымъ ученіемъ...»¹⁾ Этотъ же моментъ «неизмѣнности, строгой опредѣленности», однимъ словомъ—консерватизма Церкви, Макарій выдвигаетъ на первый планъ и при рѣшеніи другихъ вопросовъ относительно Церкви—ея цѣли, церкви учащей и т. д.

Какъ извѣстно, труды Макарія встрѣтили различное отношеніе. Пратасовъ распространялъ ихъ въ высшихъ сферахъ съ самыми лестными отзывами. Свѣтская критика привѣтствовала этотъ трудъ, какъ «одно изъ истинно ученыхъ произведеній, рѣдкихъ въ нашей Литературѣ вообще... по подробности и основательности, ясности, отчетливости и чистотѣ изложенія...» (Погодинъ)²⁾.

М. Филаретъ встрѣтилъ «крыльцо и сѣни къ зданію Богословія» не безъ проиія и съ подчеркиваніемъ нѣкоторыхъ фразъ, какъ напримѣръ: «источникомъ для нея (части Введенія въ Богословіе) долженъ быть умъ...» Обладавшіе горячимъ характеромъ и имѣвшіе отчасти личныя счеты съ Макаріемъ

¹⁾ Введеніе, изд. I, стр. 557.

²⁾ Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, X, 6.

пр. Филаретъ и архим. Никаноръ не скупилсь на рѣзкія выраженія.

Однако, болѣе и искреннѣе всѣхъ разочарованы были трудами Макарія (и другихъ тогдашнихъ авторовъ) славянофилы. По выходѣ Введенія Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: Макарій проповѣдалъ схоластикой, она во всемъ сказывается, въ безпрестанномъ цитованіи Августина, пстицнаго отца схоластики церковной, въ страсти все дробить и живое обращать къ мертвому... Стыдно будетъ, если ипострацы примуть такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи ¹⁾).

Понятна рѣзкость этого отзыва. Это—выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя только и могли питать люди, мучившіеся церковно-богословскими вопросами, въ страстныхъ спорахъ выработывавшіе свое credo къ трудамъ, явившимся по волѣ начальства. Именно они, а не авторы «изложеній православнаго вѣроученія»—были представителями того, чего искали въ Церкви наиболѣе сознательные ея члены въ сороковые годы.

Славянофилы, прямо или косвенно прошедшіе курсъ цѣлостной нѣмецкой философіи, стремились къ выработкѣ и цѣлостнаго церковнаго міровоззрѣнія, примѣненнаго къ дѣйствительной жизни. «Разсужденія ихъ сводились къ одному общему центральному вопросу, именно къ вопросу о церкви... Вопросъ о церкви, разсматриваемый въ связи съ другими, прямо или косвенно относящимися къ нему вопросами, каковы, наиримѣръ, вопросъ объ отношеніи церкви къ обществу и государству, о положеніи личности въ церкви, о страданіи, молитвѣ, чудесахъ и др., сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія кружка славянофиловъ и ихъ единомышленниковъ. Они стали обращаться къ самому первоисточнику ученія Православной церкви, къ древней христіанской письменности, предполагая тамъ отыскать руководящія начала для рѣшенія выдвинутыхъ жизнью вопросовъ ²⁾).

Темы были тѣ же, надъ выясненіемъ которыхъ трудилась и церковная власть, но постановка была другая. Системы подчеркивали неизмѣнность, славянофилы отгѣняли моментъ движенія, жизнь: «церковь въ своемъ историческомъ проявленіи необходима должна быть жива». Они предостерегали отъ

¹⁾ Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, X, стр. 5.

²⁾ В. Завитневичъ. А. С. Хомяковъ, стр. 985.

фетишизма предъ предаіемъ; вообще же, утверждая, что «безъ знанія нѣтъ жизни, но и безъ настоящей жизни нѣтъ вѣрнаго знанія», ихъ идеалистическія построенія неизмѣримо болѣе чѣмъ системы принуждены были считаться съ печальнымъ состояніемъ православія и побуждать къ выходу. Шагъ за шагомъ, напримѣръ, Хомяковъ долженъ былъ уступать Пальмеру, ибо «логически трудно, а въ нравственномъ отношеніи больно было отстаивать ту дѣйствительность, защищать которую ему пришлось» ¹⁾.

Между тѣмъ, напримѣръ, догматическое богословіе архим. Антонія, оффиціальнѣй учебникъ духовной школы, изданное въ концѣ сороковыхъ годовъ при ближайшемъ участіи м. Филарета (Амфитеатрова) и вполне одобренное Пратасовымъ, не носитъ и слѣдовъ какого-либо трагизма. «Церковь Россійская, говорится здѣсь, отличается характеромъ чисто духовнымъ, поелику всегда была и есть чужда политическихъ видовъ и никогда не употребляла насильственныхъ мѣръ къ распространенію своихъ предѣловъ или устройенію своего внутренняго мира» ²⁾.

Ясно, что въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ предохраненіе отъ косности, самообольщенія и схоластики, книжная богословская ученость тогда же должна была бы сознательно-опредѣлить свои отношенія къ церковнымъ идеямъ славянофильства, путемъ всесторонняго ихъ разсмотрѣнія. Такъ поступали ихъ противники по другимъ вопросамъ. Славянофильство, писалъ, напримѣръ, въ 1847 г. (въ эпоху примиренія по словамъ изслѣдователей) Бѣлишскій ³⁾, безъ всякаго сомнѣнія касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается—это другое дѣло. Но прежде всего славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны». Но въ церковныхъ кругахъ къ трудамъ славянофиловъ относились по меньшей мѣрѣ уклончиво, индифферентно. Что это такъ, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ письма Хомякова къ А. И. Аксакову. «Многіе, предубѣжденные ходячими формулами, думали, что духовные меня осудятъ чуть

¹⁾ В. Завитневичъ, стр. 1250.

²⁾ Догм. богословіе, стр. 359.

³⁾ Собран. соч. изд. II, Кіевъ; т. IV, стр. 280.

ли не на костеръ, а на повѣрку вышло, что всѣ тѣ, которые прочли (Исповѣданіе) согласились, что оно вполне православно и только къ тиспенію неудобно или сомнительно...» ¹⁾).

Лишь чрезъ много лѣтъ «творенія учителя церкви могли появиться въ Россіи», до тѣхъ же поръ они, если и оказывали вліяніе, то «лишь отрывочно и случайно, во французскихъ брошюрахъ, или въ составленныхъ паскоро рукописныхъ переводахъ...» ²⁾).

Игнорируя свѣжую струю, присяжные богословы должны были питать и питаться суррогатами. Такъ, нѣкоторые еще пробавлялись устарѣвшими энциклопедическими элементами, введенными Иннокентіемъ. Очень картинно описываетъ характеръ этого копирования П. Знаменскій въ «Исторіи казанской духовной академіи».

Знаменитый витія (Иннокентій), пишетъ онъ, нерѣдко любилъ касаться таинственныхъ глубинъ христіанской и философской мистики и заимствовать изъ нея разные матеріалы для своихъ религіозно-поэтическихъ мечтаній. Его лекціи о самобытности, безсмертіи души, распространявшіяся въ 1840—1850 годахъ по всѣмъ семинаріямъ даже отдаленнаго отъ Кіева казанскаго округа, касались разнообразнѣйшихъ фактовъ изъ области антропологическихъ знаній и гипотезъ и, между прочимъ, даже съ особенною пастойчивостью, современныхъ толковъ о явленіяхъ животнаго магнетизма, сомнамбулизма и ясновидѣнія. Въ богословской аудиторіи казанской академіи при профессорахъ Серафимѣ и Фотіи повторялись тѣ же рѣчи, выводились на сцену и Кернеръ съ его одержимыми и ясновидящими и Месмеръ съ его магнетизмомъ и рассказы объ обмиравшихъ...

Но все это возбуждало здѣсь далеко не тѣ чувства, какія волновали кievскую аудиторію самого витія учителя. Возбуждающіе раздумье поэтическіе намеки, «что есть въ мірѣ много такого, что и не снилось мудрецамъ», въ прозаической передачѣ казанскихъ богослововъ расплывались во что-то такое, что прямо отзывалось суевѣрными розказнями и возбуждало только состраданіе... ³⁾).

¹⁾ *Завитневичъ*, стр. 1042., ср. Дѣло Сиб. Д. Ц. К-га, 1855 г. о соч. Хомякова „*Quelques mots*“...

²⁾ Сочин. *Хомякова*, т. II. Предисл. XXXIII—IV.

³⁾ II вып., стр. 193.

Опытъ такого неудачнаго, «расплывчатаго» синтеза библейскаго ученія съ данными физиологіи, геологіи, астрономіи, магнетизма и сомнамбулизма, довольно обыченъ, впрочемъ, для сороковыхъ годовъ. И не мало ихъ находится между недобранными цензурою произведеніями.

Давать отвѣты церкви на современные теченія мысли взяли на себя писатели, вродѣ издателя знаменитаго «Маяка» Бурачка ¹⁾. Въ качествѣ образца фарисейскихъ словоизверженій этого обычнаго въ эпохи церковной реакціи типа публицистовъ приведемъ два отрывка изъ «критики». «Исторія, утверждалъ авторъ одного безцвѣтнаго учебника, есть вѣрное, словесное изображеніе жизни народовъ». «Опредѣленіе не вѣрное, негодовалъ Маякъ... Всеобщая исторія есть изображеніе жизни всего *надшаго* человѣчества... Не этими метеорами должна она заниматься. не на нихъ останавливаться, а на возрастахъ искупляемаго освящаемаго, совершенствуемаго человѣчества»... Дальше рѣчь сводилась къ панегирику «русскаго православія», которому былъ посвященъ и особый «отдѣлъ».

Или въ отвѣтъ на притязанія эстетики раздавалась рѣчь: «Въ природѣ нѣтъ прямой линіи, нѣтъ вѣрнаго круга, нѣтъ чистаго звука, и все это произошло послѣ паденія человѣка, у котораго осталась одна сторона изящная — Божія, другая, изуродованная сатаной чрезъ увлеченіе человѣка въ грѣхъ. Короче, пока философы и эстетики не примуть въ основаніе своихъ наукъ паденія, до тѣхъ поръ ихъ теоріи изящнаго будутъ мыльные пузыри» ²⁾.

Съ 1848 года наступила эпоха цензурнаго террора. Западныя событія этого года вновь напомнили, что идеи самыя утопичныя могутъ болѣе или менѣе колебать жизнь. «Революціонныя волны 1848 года докатились до насъ въ видѣ грязной густой пѣны, прикрывавшей всю поверхность общественной мысли. Послѣднюю признано было необходимымъ сковать прочными цѣпями и хотя «не было никакого повода опасаться волненій и беспорядковъ, однако, память о катастрофѣ 1825 г. была еще свѣжа, а мнѣнія, господствовавшія въ нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ кружкахъ, казались органически связанными съ крайними ученіями французскихъ теоретиковъ.

¹⁾ Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 50—53.

²⁾ Маякъ, 1843, т. XII.

³⁾ Томъ XI, 148.

Поэтому состоялось высочайшее повелѣніе принять энергичныя и рѣшительныя мѣры противъ папыва въ Россіи разрушительныхъ идей ¹⁾).

Смысль трехчленной формулы «православіе, самодержавіе, народность» сталъ «углубляться и расширяться» въ противоположъ духу времени. Такъ, напримѣръ, русская народность, или «русское славянство» согласно предписанія циркуляровъ «въ чистотѣ своей должно выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію; но все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть примѣсъ чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей ²⁾).

Различныя вѣдомства, объединяемая въ надзорѣ за направлениемъ умовъ секретными комитетами, должны были ревностно заботиться о благонамѣренности всего, находящагося въ ихъ предѣлахъ. И на вѣдомствѣ православнаго исповѣданія естественно лежала преимущественная забота о поддержаніи на должной высотѣ перваго члена формулы.

Вольномысліе Запада, официальные представители церкви, какъ и подобало, объясняли главнымъ образомъ духомъ протестантизма. Вотъ строки изъ одного всеподданнѣйшаго доклада Пратасова отъ 1849 года: «Давъ полную свободу уму въ изясненіи смысла св. Писанія, Реформація самымъ естественнымъ образомъ не могла не довести своихъ послѣдователей до отрицанія, наконецъ, всякаго положительнаго догмата, и нынѣ уже почти во всей Европѣ ученіе Лютера переродилось въ Рационализмъ, который грозитъ уничтоженіемъ самому Христіанству въ возникающихъ тамъ мнимо-религіозныхъ обществахъ. Духъ сего вольнодумства, обратясь къ политикѣ, приготовилъ нынѣшнее общее въ Европѣ броженіе умовъ и распадненіе Государственныхъ связей. Православіе же, всегда подчиняя частныя мнѣнія общему приговору всей Церкви,—Хранительницы Священнаго Преданія, искони соблюдаетъ чадъ своихъ въ единствѣ вѣры. Оно создало ту дивную силу Самодержавія, на которую съ изумленіемъ взираютъ иноплеменики, и приготовило Россію къ нынѣшнему состоянію могущества ³⁾).

¹⁾ М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики. Спб. 1904, стр. 191—2.

²⁾ Русскій Архивъ. 1892, VII, 348.

³⁾ Канц. Об. Пр. Св. С., 1849, 42662.

Въ виду всего этого, церковная власть сочла своей священной обязанностью изгонять этотъ всепроникающій духъ протестантизма въ авторскихъ мысляхъ, отбѣнкахъ рѣчи, отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Дѣйствія Комитета 2 апрѣля и секретнаго при Св. Синодѣ цензурнаго комитета представляютъ вполне достаточное количество примѣровъ.

Съ своей стороны, академическія начальства боялись кормить студентовъ твердой научной пищей и старались держать ихъ, какъ дѣтей, преимущественно на молокѣ. «Множество книгъ, пишетъ историкъ казанской академіи, считались для нихъ опасными. Исторія цивилизаціи Гизо считалась ужасной книжкой, а извѣстное сочиненіе Гиббона держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали «Отеч. Записки» и «Современникъ», но читали по возможности скрытно отъ начальства... Изъ наставниковъ богословія до конца 1850-хъ годовъ ни одинъ не ознакомилъ слушателей ни съ исторіей, ни съ литературой своего предмета. Всякія отрицательныя, противорелигіозныя ученія, которыя всего болѣе содѣйствуютъ къ подъему научнаго интереса при изученіи и разработкѣ богословскихъ истинъ, обыкновенно замалчивались и заботливо отстрапались отъ студентовъ все въ тѣхъ же видахъ сохраненія студенческой невинности и невѣдѣнія добра и зла. Философія религіи Гегеля, тюбингенская школа, пресловутая книга доктора Штрауса, ученіе Фейербаха—все это для студентовъ богослововъ были одни только страшныя слова, залетавшія въ академію откуда-то со стороны, значеніе которыхъ опредѣлялось больше фантазіей да наслышкой и тоже главнымъ образомъ со стороны.

До какой степени простиралась тогда скудость средствъ къ приобрѣтенію этого рода богословской эрудиціи, видно изъ того, что студенты съ любопытствомъ бросались въ своей библіотекѣ на всякіе пустяки, какъ-нибудь ускользнушіе отъ бдительности начальственной цензуры, читали, какъ великую новостъ, какой-нибудь жиденскій отдѣлъ еврейской исторіи Роттека. Безъ общей связи со всѣмъ широкимъ міромъ богословской науки, богословствованіе ихъ должно было сдѣлаться своего рода кустарнымъ занятіемъ».

Тѣмъ не менѣе лучшіе передовые представители научно-богословскаго сознанія далеко ушли отъ такого ригоризма. Они уже сами познакомились и своихъ учениковъ знакомили съ «пасквилями Хомякова». Отъ него они унаслѣдовали фи-

лософско-историческую точку зрѣнія при сужденіи о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и религіяхъ.

Инкогнито, но безусловно естественно, въ каждой почти академіи стали возникать «идеалистическіе кружки» молодыхъ преподавателей. Здѣсь происходили «совмѣстныя чтенія разныхъ литературныхъ новинокъ и рѣдкостей и горячія бесѣды на острия темы». Въ Казани, судя по воспоминаніямъ Ильминскаго и Елисеѣва, обсуждались преимущественно литературные и историческіе вопросы ¹⁾. Въ Петербургѣ, какъ видно изъ данныхъ, находящихся въ автобіографіи арх. Никанора херсонскаго, между прочимъ детально критиковали «систему» Макарія ²⁾. Въ Москвѣ, тоже не безъ почвы же развились Гиляровъ, Бухаревъ, Хрисанфъ. Все это, конечно, можно бы было признать дѣломъ пока келейнымъ, «не нарушающимъ общественнаго спокойствія», если бы время отъ времени результаты рѣчей въ кружкахъ не излагались въ студенческихъ аудиторіяхъ. Съ осторожностью рѣшались здѣсь сообщать и о «новой постановкѣ доказательствъ бытія Божія» (іер. Никаноръ), и о иномъ—пе традиціонномъ взглядѣ на расколъ (Гиляровъ-Платоновъ).

А въ казанской академіи Елисеѣвъ въ 1850 году улучилъ моментъ для прочтенія нѣсколькихъ лекцій о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ крѣпостное право, духовно-учебная реформа Пратасова, и дѣло Павскаго ³⁾. Приходилось лишь мудро пользоваться обстоятельствами, напр., отъѣздомъ грознаго ректора, незаписываніемъ лекцій ⁴⁾ и пр. Наиболѣе характернымъ фактомъ изъ выработавшейся практики приспособленія, естественно связанной съ рабствомъ подъ закономъ, можетъ служить чтеніе лекціи либеральнымъ Н. Гиляровымъ-Платоновымъ въ присутствіи графа Пратасова.

Пріѣхалъ въ академію, повѣствуетъ хроника арх. Саввы оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасовъ; приходитъ въ сопровожденіи ректора и еще кого-то въ нашъ богословскій классъ во время лекціи Гилярова. Гиляровъ, разумѣется, былъ предваренъ объ этомъ и принесъ съ собою въ

¹⁾ *Н. К. Михайловскій*. Литературныя воспоминанія и современная смута, стр. 445.

²⁾ Изд. свящ. Петровскаго, т. I, стр. 269.

³⁾ *П. Знаменскій*. Исторія казанской академіи.

⁴⁾ Письма *м. Филарета* къ высочайшимъ особамъ и друг. лицамъ, т. II, 28.

классъ тетрадку, свое студенческое сочиненіе объ антихристѣ. По входѣ въ классъ почетнаго гостя, онъ началъ угощать его своею студенческою мудростью. Гость въ восхищеніи былъ отъ этой мудрости... уходя изъ аудиторіи благодарилъ лектора и сдѣлалъ о нашей академіи такой отзывъ: «Московская академія всегда доставляла намъ ревностныхъ защитниковъ православія. Желая, чтобы и настоящее поколѣніе оправдало надежды правительства». Но почтенный лекторъ, по уходѣ гостя, сошелъ съ кафедры и, обратясь къ намъ—студентамъ, сказалъ: «забудьте, господа, что я сейчасъ читалъ вамъ», и вслѣдъ затѣмъ началъ проповѣдывать намъ о томъ же предметѣ совсѣмъ противное».

Не менѣе любопытна и изложенная въ той же хроникѣ часть переписки двухъ студентовъ — московской и кievской академіи, отъ 1848 года, гдѣ между прочимъ, хотя и съ оговорками, современному европейскому движенію усвоится «истинно-человѣчскій, христіанскій интересъ» ¹⁾).

Чтобы отгнать весь абсурдъ цензурнаго террора пятидесятихъ годовъ, нелѣпость и трагикомизмъ бѣгства ревнителѣй вѣры отъ созданныхъ ихъ собственнымъ воображеніемъ призраковъ, небезполезно остановиться на эпизодѣ съ священной исторіей стутгартскаго протоіерея Базарова.

Исторія эта представляла переводъ труда д-ра Барта «Дважды 52 библейскія исторіи изъ ветхаго и новаго завѣта». Происхожденіе и значеніе этого труда для Германіи переводчикъ такъ характеризуетъ въ своихъ «воспоминаніяхъ». Въ 30-хъ годахъ, когда подъ влияніемъ Баура и Штраусса рационализмъ проникъ во всѣ школы и грозилъ подавить самую сущность христіанства, д-ръ Бартъ съ своимъ пріятелемъ, пасторомъ Вернеромъ, задумали основать общество распространенія полезныхъ книгъ. Для того они ухватились за чувствительную струну пѣмпа, его экономію, правильно разсчитавъ, что удалить изъ употребленія раціоналистическія книги и особенно учебники можно лишь противопоставивъ имъ дешевыя изданія вполне христіанскаго характера... Всячески избѣгая полемики противъ раціоналистическаго направленія, общество ограничивалось только тѣмъ, что въ своихъ изданіяхъ излагало факты, о которыхъ въ раціоналистическихъ изданіяхъ или умалчивалось или передавалось въ искаженномъ видѣ.

¹⁾ Т. I, стр. 363—65.

Въ частности, книжка «Дважды 52 библейскія исторіи» была изложена почти буквально словами библии и продавалась по неимовѣрно дешевой цѣнѣ. И вотъ, говорится въ мемуарахъ, все набросилось на эту книжку сперва для домашняго употребленія, потомъ какъ книгу для чтенія въ школахъ, а потомъ и какъ учебникъ. Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ эта книжка вытѣснила изъ всѣхъ школъ прежній рационалистическій учебникъ и стала распространяться въ милліонахъ экземпляровъ по всей Германіи...

Вообще, какъ доказывалъ въ послѣдствіи Базаровъ, въ официальной запискѣ возражая профессору Чельцову, «то, что рецензентъ называетъ «миѳическимъ богословіемъ» было явленіемъ преходящимъ въ нѣмецкой богословской школѣ... Начиная съ 1848—9 годовъ, рационализмъ въ Германіи почти совсѣмъ подавленъ и мало-по-малу беретъ перевѣсъ пѣтизмъ, который не только не допускаетъ никакихъ миѳовъ въ библии, но, напротивъ, такъ вѣруетъ въ букву оной, что нашъ соотечественникъ Хомяковъ въ своей знаменитой брошюрѣ «*Quelques mots par un Chrétien Orth. sur les communions occidentales*» справедливо укоряетъ современныхъ протестантовъ въ фетишизмъ, смѣясь надъ ихъ рабскимъ поклоненіемъ буквѣ писанія... ¹⁾).

Такъ судили о страшномъ движеніи вольнодумства съ того берега, гдѣ, которые находились ближе къ пушкамъ. Но не такъ отнеслись къ сокращенной исторіи въ Россіи.

Судьба этой книжки, пишетъ Базаровъ, такъ интересна и характеристична для тогдашняго, еще недавно прошедшаго времени, что стоитъ разсказать о ней поподробнѣе. Первый изъ цензоровъ, которому попала въ руки эта книжка, былъ протоіерей Окуневъ. Онъ возвратилъ мнѣ рукопись съ помѣткою «печатать не дозволяется». Когда я, бывши вскорѣ затѣмъ въ Петербургѣ, явился къ нему за объясненіемъ причины этого недозволенія, то онъ спачала сталъ мнѣ говорить, что мой слогъ не довольно церковень.

— Напримѣръ, — говорилъ онъ, — вы употребляете слово «дурной». Это напоминаетъ *дурь*, *дурака*, а это неприлично въ книжкѣ, гдѣ разсказываются событія библейскія. Да и самое названіе, которое вы выставили: «Разказы изъ библейской исторіи», тоже неприлично. Разказы—розказни—какъ-то

¹⁾ Русская ст. 1901 г., т. 107, стр. 86 и л.

профанно. А главное, скажу вамъ откровенно, у насъ теперь (это было въ началѣ пятидесятихъ годовъ) такая строгость въ цензурѣ, а мнѣ остается дослужить только годъ до пенсіи по цензурному вѣдомству, что я теперь не пропускаю ничего въ печать, опасаясь, чтобы высшая цензура не придралась къ чему-нибудь и не дала мнѣ отставки, чрезъ что я лишился бы своей пенсіи.

Почти по такимъ же мотивамъ возвращенъ былъ переводъ (уже подъ названіемъ «Сокращенная библейская исторія») и во второй разъ.

«Тогда, продолжаетъ Базаровъ, я принялся снова за исправленіе рукописи, придумывая для того всѣ способы, чтобы обезоружить нашу цензуру. Для того я далъ ей названіе «Сказанія, сокращенно заимствованныя изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта»; текстъ же заимствовалъ дословно изъ нашего русскаго перевода библии. Въ этомъ видѣ рукопись моя поступила въ цензуру В. Н. Карпова. Онъ разрѣшилъ ее къ печати, но къ моему ужасу исправилъ весь текстъ по своему. Тогда я рѣшился напечатать ее за границей по тексту, бывшему у меня въ рукописи, не обращая вниманія на исправленія цензора и по напечатаніи поѣхалъ самъ въ Россію для личнаго объясненія съ знакомымъ мнѣ прежде, столько уважаемымъ профессоромъ нашей Академіи. По счастью, мнѣ удалось убѣдить этого почтеннаго цензора, что онъ ошибся, принявъ слогъ моей рукописи за мой собственный, тогда какъ это были ни болѣе ни менѣе, какъ собственные слова изданнаго Св. Синодомъ перевода св. Писанія на русскій языкъ. Такимъ образомъ, моя книжка явилась въ свѣтъ въ первый разъ въ 1857 году... Не прошло и года, какъ первое изданіе въ 3.000 экземпляровъ разошлось все и надо было приступить ко второму». Впрочемъ, добавляетъ Базаровъ, собственно цензурная исторія этой книжки еще не кончилась. Можно даже,—прочтя послѣдующіе отзывы Чельцова, м. Филарета, Горскаго,—сказать, что она до сихъ поръ почти еще на начиналась. Но все это принадлежитъ уже послѣдующей эпохѣ.

Въ качествѣ же заключенія, чтобы еще болѣе отгнать полное рабство богословской мысли конца николаевской эпохи, приведемъ характерный цензорскій отзывъ относительно сочиненія прот. Вершинскаго «О таинствѣ евхаристіи». «Нельзя не отдать, говорится въ началѣ отзыва, полной справедливости

этому труду въ отношеніи къ его основательности, зрѣлости въ сужденіяхъ и обширной учености. Но..., заключалъ цензоръ, своимъ полемическимъ направленіемъ сочиненіе можетъ возбудить только излишне пытливые вопросы въ кругу православныхъ читателей, полемику со стороны неправославныхъ и, можетъ быть, не убѣждая послѣднихъ, по извѣстному ихъ упорству въ своихъ мнѣніяхъ, только предрасположить первыхъ (православныхъ) къ испытанію собственныхъ убѣжденій, не всегда безопасному и въ нѣдрахъ нашей Православной Церкви ненужному и неумѣстному» ¹⁾).

Такъ опредѣлялъ сущность православія, на переломѣ минувшаго столѣтія, академическій цензоръ, нашъ знаменитый канонистъ Іоаннъ (Соколовъ)!..

Алексѣй Котовичъ.

¹⁾ Арх. Спб. Д. Ц. К. 1851 г., 3.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки